

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2034

ЮРИЙ ХАРИТОНОВ
НА КРАЮ ПРОПАСТИ



FUTURE CORP.

Метро

Юрий Харитонов

Метро 2033: На краю пропасти

«АСТ»

2017

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харитонов Ю. В.

Метро 2033: На краю пропасти / Ю. В. Харитонов — «АСТ»,
2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-103196-1

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Все началось, как всегда. Разумеется, они хотели помочь. Разумеется, верили в свои силы, свой ум, свою великую миссию – и в свое право вершить чужие судьбы. Ведь что может быть важнее после ядерного Апокалипсиса, чем подарить человечеству возможность подняться из тесных бункеров и убежищ к солнцу? Не бояться радиации, свободно дышать отравленным воздухом? Вернуться в свои покинутые дома? Тем более, что ничего особенного и делать-то не пришлось – нужно было всего-навсего активировать уже существующий ген, тысячелетиями спавший внутри генома человека. Как всегда, они ошиблись. Путь назад, к цивилизации и к прежней жизни, вел по краю пропасти. Той самой, куда так легко сорваться, утянув за собой остатки выживших в Последней Войне...

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103196-1

© Харитонов Ю. В., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| О жизни и смерти | 7 |
| Часть первая | 9 |
| Глава 1 | 10 |
| Глава 2 | 19 |
| Глава 3 | 28 |
| Глава 4 | 37 |
| Глава 5 | 49 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 58 |

Юрий Харитонов

Метро 2033: На краю пропасти

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2017

© Ю. В. Харитонов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

«Казалось бы – мир уже уничтожен, а дни выживших сочтены. Но всегда найдутся те, кто способен ухудшить и без того безнадежную ситуацию. Те, кто своими действиями толкает уцелевшие остатки человечества в пропасть.

И противостоять им вынужден озлобленный человек, утративший веру в людей. Разгадка этой парадоксальной ситуации – в книге «На краю пропасти» Юрия Харитонova».

Дмитрий Глуховский

О жизни и смерти

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Переход на «Киевскую» кольцевой линии был заполнен народом под завязку. Как обычно – один из эскалаторов на ремонте. Людская масса колыхалась, потела, забивала узкий проход. Тяжелый дух сотен тел, что целый день протомились в душных конторах. Не протолкнуться. Тут-то меня и притиснуло почти вплотную к ней. Женщина лет сорока. С ног до головы в черном, лишь виднелся овал смуглого лица. Глаза ее были полуприкрыты. В руках она держала вместительную женскую сумку, прижимала ее к груди. Губы беззвучно двигались.

Я попытался хоть как-то отстраниться, но понял всю тщетность усилий. Толпа медленно текла, крутила меня вокруг смертницы, не давая ни малейшего шанса на удаление. С секунды на секунду ожидая хлопка и вспышки – это ведь все, что мне будет суждено увидеть и услышать, наверное – я неожиданно испытал тоску и сожаление о бесполезно проведенном дне. Нет, я, конечно, переделал кучу всяких дел – кому-то звонил, кому-то писал, что-то читал, носил разные бумаги с этажа на этаж... День выдался трудным, но неужели эта вся суeta и есть то последнее, что я совершил, на что потратил остатки отведенных мне часов жизни? Стало ужасно обидно... Вот это чувство я особо запомнил – не страх, не паника, а обида за пустую проведенный последний день.

Лицо страшной женщины в черном было так близко от меня, что я видел подрагивание ее век и растрескавшихся сухих губ – она по-прежнему беззвучно что-то бормотала, скорее всего, прощальную молитву. Если попробовать вырвать из рук сумку... Но что потом? Наверняка смертницу контролирует кто-то еще...

Неожиданно шахидка вжикнула молнией на сумке, сунула внутрь руку. Сейчас. Вот и пришло время.

Она достала носовой платок, нырнула в него своим внушительным носом и совершенно по-слоновьи, с трубным звуком, высморкалась. Виновато скосила на меня темные глаза. Спрятал платок в рукав, шагнула на бегущие ступеньки – пока я готовился к смерти, толпа вынесла нас, наконец, к эскалатору. Обычная восточная тетка, каких теперь в Москве видимо-невидимо. День был трудный, вот и померещилось черт знает что...

Но ведь ничего не случается в жизни просто так. То чувство, испытанное в переходе метро, я запомнил и осознал.

Юрий Харитонов, автор этой книги, сказал однажды: «Мы рождаемся, чтобы умереть... Так сказать, кануть в пропасть». Я всегда стараюсь контролировать редакторскую привычку вскидывать бровь и спорить с автором – ведь каждый живет так, как понимает жизнь и умирает так, как написано ему на роду. Но мне кажется, мы рождаемся все же для жизни. Мы все уйдем в небытие, но проживем наши жизни по-разному.

О смерти помнить необходимо. Это хорошо и доступно выразил Ямамото Цунетомо в одной из глав «Хагакурэ». «Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги – что он должен умереть».

Помнить, что все мы умрем и смерть может застать нас в любой момент – очень важно. Для того, чтобы полноценно жить.

Невзирая ни на что. Пусть даже на краю пропасти.

Жить.

Все началось, как всегда. Разумеется, они хотели помочь. Разумеется, верили в свои силы, свой ум, свою великую миссию и в свое право вершить чужие судьбы. Ведь что может быть важнее после ядерного Апокалипсиса, чем подарить человечеству возможность подняться из тесных бункеров и убежищ к солнцу? Не бояться радиации, свободно дышать отравленным воздухом? Вернуться в свои покинутые дома? Тем более, что ничего особенного и делать-то не пришлось – нужно было всего-навсего активировать уже существующий ген, тысячелетиями спавший внутри генома человека.

Как всегда, они ошиблись. Путь назад, к цивилизации и к прежней жизни, вел по краю пропасти. Той самой, куда так легко сорваться, утянув за собой остатки выживших в Последней Войне...

Часть первая

Homo Mutis

1

¹ Человек измененный (*лат.*).

Глава 1

Лекарь

– Ох, ты ж! – мужчина, закутанный в тяжелый войлочный плащ, поднялся по железнодорожной насыпи и застыл, взглянув на запад сквозь кругляшки летных очков, плотно прилегающих к лицу. – Давно такого не видел!

А посмотреть и в самом деле было на что. Холмистая равнина раскинулась вокруг, сливаясь на горизонте с тяжелыми тучами. Ее на миг озарил ярко-оранжевый луч предзакатного солнца, окрасив чахлую траву, проржавевший остов старого железнодорожного состава и осколки давно выбитых стекол, торчавших из оконных проемов подобно клыкам неведомого хищного существа.

Такое явление Потемкин видел впервые за двадцать лет. С тех пор, как люди сошли с ума и уничтожили свой прекрасный мир, превратив его в обломки и свалку токсичных и радиационных отходов, небо постоянно скрывалось за серыми тучами. Они иногда озарялись молниями и извергали на землю потоки какой-то мерзости, называемой дождем. Или снегом. Или все вместе, но вперемешку с грязью, пеплом и неведомым прахом, когда-то давно поднятым взрывами ракет и до сих пор оседающим на землю. Останки старого мира измельченной пылью носились в воздухе, просеивались, оседали и вновь поднимались вверх, совершая последние двадцать лет ужасающий по своим масштабам круговорот и не давая солнцу пробиться и согреть остывающий и мрачнющий с каждым годом мир.

– Ну что, Игорь Геннадьевич, – тихо пробормотал мужчина, до глубины души потрясенный видом луча, пробившегося сквозь тучи. – Вот и дождался ты подарка на пятидесятилетие... а думал, что не увидишь уж.

Полы плаща распахнулись от порыва ветра, открывая утепленные «берцы», комбез серо-зеленого цвета, кожаный широкий ремень, рукоятку армейского ножа и ствол автомата, блеснувший на солнце.

– Дождлся, Потемкин! Дождлся... – дыхание Игоря вдруг сбилось, показалось, что грязный красно-зеленый шарф, обмотанный вокруг шеи и лица, закрывающий рот и нос, душит. Что-то всколыхнул этот луч в душе пятидесятилетнего мужчины, что-то забытое со временем и затоптанное поглубже людьми с их жестокостью и цинизмом. – Потихоньку начнет налаживаться все... Потихоньку и до Москвы доберемся.

Широкая равнина раскинулась перед ним, насколько хватало взгляда. Тут и там небольшие заросли кустарника и редкие деревья покрывали пологие склоны холмов. Впереди, километрах в трех, словно оазис жизни, темнела небольшая деревенька, а дальше, в зыбкой дымке тумана, спрятался город. Только луч, выскользнувший из-за туч, отскочил от купола храма вдалеке, блеснув не хуже любой оптики.

– Ну вот, Геннадьевич, скоро передохнем, не думаю, что здесь людей не осталось, – Игорь внимательно оглядел строения, но никакого движения не заметил, как вдруг краем глаза уловил что-то слева. – Ах ты, пад...

С глухим рычанием из темного проема вагона, давным-давно лишенного двери, метнулась тень. Потемкин инстинктивно отпрянул в сторону, чуть не скатившись по насыпи. Животное промахнулось, пролетев мимо, но тут же развернулось и грозно зарычало, приготовившись к новому прыжку. Игорь нащупал армейский нож и откинул полу плаща. С серым падальщиком он уже имел дело, странно только, что на него напала всего одна особь – серая шерсть торчала клочками, хвост раздраженно подергивался, глаза, отсвечивающие красным, сузились, а животное оскалилось отменными, в палец длиной, клыками. К земле тянулась тонкая струйка густой слюны, мотаясь из стороны в сторону в такт движениям головы. Так почему же существо одно?

Тварь, похожая на собаку, рванулась к Игорю. Тот резко шагнул вбок и рубанул ножом по пролетевшей туше. Серый падальщик проскочил мимо, дернувшись от боли, – на теле расплзлась красным пятном широкая рана. Капли крови напитали шерсть и окропили сухую траву. Но тварь было не остановить. Она вновь ринулась в атаку, и на этот раз Потемкину увернуться не удалось. Нож скользнул по ребрам. Собака же попыталась ухватить мужчину за ногу, но промахнулась. Острые зубы вспороли плотный войлочный плащ и увязли в нем. Человек и животное рухнули с железнодорожной насыпи, стараясь достать друг друга. Игорь первым скатился вниз, пытаясь высвободить руку с ножом, а следом приземлился серый падальщик. Второй рукой Потемкин ухватился за горло твари, удерживая опасную пасть подальше от себя.

Тварь рвала когтями одежду, пыталась укусить мужчину, но слабеющее от ран тело отказывалось подчиняться. Животное лишь тихо рычало, несколько раз клацнув зубами, не в силах достать до горла. Наконец Игорю удалось высвободить руку и воткнуть нож в лохматый бок.

Потемкин отбросил в сторону тело серого падальщика, вытер нож о жесткую шерсть и, не убирая его, внимательно огляделся. Стаи рядом не было. Игорь вновь удивленно посмотрел на умирающее животное.

– Странно, – пробубнил мужчина себе под нос, – почему же ты был один? Так ты к тому же еще и самка...

Тварь лежала на боку, из ран обильно текла кровь. Хотя она все еще дышала, но сил хватало лишь на то, чтобы скосить тускнеющие глаза в сторону поезда. На животе же обозначились четыре пары сосков, крупных, словно она недавно кормила детенышей. Игорь посмотрел на пустой дверной проем вагона – видимо, разгадка крылась там.

Мужчина вновь поднялся по насыпи и заглянул внутрь вагона. Ничего нового – выбитые окна, ободранные до металла стены, поломанные сиденья, прогнившие до дыр пол и потолок. Лишь где-то в глубине, у двери в другой вагон, угадывалось неясное шевеление.

Игорь забрался внутрь. Медленно пошел вперед, готовый к бою. Мимо разбитых сидений с выпотрошенной обивкой и ободранным каркасом. Под одним из них лежала такая же драная кукла, без рук, ног и одного глаза. Словно наблюдала за Потемкиным. Сквозь разбитые стекла падал свет, в котором кружилась хлопьями пыль, потревоженная неосторожным движением. Наконец Игорь достиг конца вагона и вздохнул с облегчением, опуская нож.

– Ну что за... – мужчина с досады прикусил губу. Перед Потемкиным, тихо поскуливая, ползали семь щенков серого падальщика. Видимо, только открыли глаза, так как слеповато шурились от света и взирали на человека, не понимая, кто перед ними.

Вот почему самка одна! Эти мутанты неразборчивы в добыче, не довольствуются одной падалью, но могут покуситься и на живое существо, и им все равно, кто это – человек или свой же детеныш. Поэтому самки прятались перед тем, как родить потомство. Позже повзрослевшие особи примыкали к стае, способные уже на равных охотиться и доказывать право на свое место в племени.

– И что же мне теперь с вами делать?

Перед ним ползали семь безобидных маленьких комочков. Пока безобидных, ибо вырастут из них семь чертовски опасных тварей, и ни одна не упустит удобного случая напасть на человека. Но как убить беспомощных? Были бы хоть чуточку взрослее... Просто уйти? Может, погибнут сами, а может, и нет? Но это все равно что отбирать еду у младенца, отнял мамку – живите, как хотите, мучайтесь, не наши проблемы...

– А, черт! – махнул Игорь рукой и, достав из рюкзака старый холщовый мешок, начал собирать в него копошащиеся комочки.

Они постоянно двигались и тихо пищали, но своими беззубыми пастями все же пытались укусить его за палец. Гораздо гуманнее будет убить их сразу, чтобы не мучились. Утопить. Вот и деревенька недалеко. Там в любом случае должен быть какой-нибудь водоем, ну, или старый колодец, наконец.

– Не-е-е, – пробормотал мужчина, вставая и направляясь к выходу из вагона, – жить вам определенно нельзя, а оставить здесь – совесть не позволяет. Человек я? Или, как вы... тварь дрожащая?

Нужно выдвигаться к деревне, а не то ночь может застать посреди поля, а это очень плохо. Если не сказать – смертельно. Хотя Игоря вот уже пять лет в этом мире ничто не держит.

Потемкин спрыгнул на пути и обернулся. Вдалеке послышался резкий рык. Что ж, вполне узнаваемо, но нежелательно. Встреча со стаей не принесла бы сейчас ничего хорошего. Надо спешить. Дойти до деревеньки, пока твари не почуяли его запах.

Игорь плотнее закутался в плащ, поправил шарф, обмотанный вокруг лица, и быстрым шагом направился к деревне. Конечно же, «калаш», спрятанный от чужих глаз под просторным войлочным плащом, находился в боевом режиме...

Смеркалось.

Узкие бревна колодца рассохлись и обвалились с одной стороны, утащив с собой стойки с крышей и воротом. Игорь бросил вниз камень, чтобы проверить, есть ли в колодце вода. За двадцать лет всякое могло случиться: вода либо ушла, либо заросла тиной, во всяком случае, если колодец долго не чистить, и он сгинет, как и все остальное, за чем долго не ухаживали. Далекий «бульк», раздавшийся снизу, обнадежил: вода в колодце имелась.

– Ну вот, маленькие твари, – пробормотал он, занося мешок со щенками над зевом колодца. – Жизнь – легкая штука! По крайней мере, для некоторых... Сначала ты родился, пропищал и через пару часов умер. Ничего сложного, как видите.

Мешок полетел вниз, и с тихим плеском жизнь исчезла, как когда-то давно растворилась в Волге и жизнь его близких. Прошло пять лет, но каждая мелочь напоминала об этом. Несколько минут мужчина молча стоял, предаваясь воспоминаниям, и собирался уже продолжить путь, как кто-то сзади зловеще прошептал:

– А ну, стоять! Шевельнешься – убью! – голос хриплый, а дыхание – тяжелое, словно неизвестный был давно и неизлечимо болен.

Игорь выругался про себя. Надо же было так вляпаться! Как он мог позабыть о существах, населяющих пусть и не все, но некоторые деревни? И даже, скорее, единичные дома. Должны были уже исчезнуть за двадцать с лишним лет такой никчемной жизни. Кто же сейчас в одиночку выживает, сидя на одном месте? Этих людей, обрекших себя на голодное, полное страха существование лишь потому, что им не захотелось когда-то покидать родной дом, с каждым годом становилось все меньше. И именно поэтому Потемкин потерял всякую бдительность, решив нахрапом проскочить до самого кладбища. Да еще и время поджимало. Мужчина спиной чувствовал, что серые падальщики где-то рядом...

– Что тебе надо? – тихо спросил он.

– Мешок скидывай и вали на все четыре стороны! Мне не нужны здесь потроха, чтобы тварей привлекать. – прохрипел мужчина.

Затем он раскашлялся. Сухо и долго, пытаясь побороть приступ, разрывавший его изнутри. Это дало время и возможность Игорю медленно развернуться к противнику. А очередная молния озарила сторбленный силуэт с коротким стволом в руках. Не иначе – обрез.

– Ну, что стоишь? – говоривший начал терять терпение. – Считаю до пяти и буду стрелять.

– Ты этого не сделаешь, – очень тихо и уверенно проговорил Потемкин.

– Это почему же? – противник, казалось, захихикал, но Игорь не смог бы утверждать наверняка – так сильно походил этот смех на кашель.

– Рядом бродят серые падальщики.

– Ты! – от возмущения говоривший захрипел еще сильнее. – Ты, грязная скотина, привел их сюда! В мой дом! Подверг меня и мою дочь опасн...

– Тихо! Или ты торопишься стать ужином?

– Скидывай мигом мешок! – яростно сказал неизвестный, накалившись до предела. – Клянусь, иначе убью тебя и оставлю им на съедение. А они уж не будут разбираться, сколько здесь было человек перед тем, как они нашли твое вкусное мясо.

Тем временем кашель с новой силой заставил согнуться незнакомца, сверкнула очередная молния, очень вовремя, и этого Игорю хватило, чтобы оказаться рядом с противником. Одной рукой оттолкнул ствол обреза в сторону, а другой упер выступающий из-за полы плаща АКСУ ему в живот.

– Тебе все еще кажется, что я отдам свой рюкзак добровольно? – четко проговорил Потемкин прямо на ухо не успевшему опомниться незнакомцу.

Тот явно испугался. Задрожал так, что это ощутил и Игорь. А на нем, кроме тяжелого войлочного плаща, были ведь еще теплый комбинезон, бронежилет и разгрузка. Жаркие деньки остались давно в прошлом. Сначала ядерная зима года на три завладела миром, потом наступила более или менее сносная погода, когда температура на термометре редко поднималась выше десяти градусов по Цельсию.

– Стой! Прости! Ради дочери! – зачастил вдруг незнакомец. – Ради моей больной доченьки, прошу, не убивай. Мне только лекарство нужно. Один маленький пузырек какого-нибудь, все равно какого лекарства. Я только ради этого тебя остановил. Ради нее, любимой. Не оставляй умирать, помоги...

– Заткнись!

– Но... Сочувствие у тебя есть или...

– Да захлопни ты свою пасть! – еще злее прошептал Игорь, с силой вдавливая ствол автомата ему под ребра.

Незнакомец наконец умолк, вняв доводам разума и давая Потемкину возможность прислушаться к окружающей тишине. Далекий подозрительный звук больше не повторился. Показалось, наверное, хотя кто ж разберет, когда у рядом стоящего незнакомца грудь разрывается изнутри от невероятных хрипов.

– Тебе повезло, – наконец прошептал Игорь. – Я лекарь. Но в случае чего могу и замочить, причем, не испытывая ровно никаких мук совести. Так что повежливей, и веди уж, а то стоим, ждем здесь незнамо чего, в полной темноте. Да... И отдай-ка ствол мне, пока не поранился.

– Да-да, – пролепетал трясущийся то ли от страха, то ли от болезни незнакомец, передал оружие Игорю и засеменил вперед, удерживаемый за шкуру тяжелой рукой лекаря. – Здесь недалеко. Прямо у кладбища.

«Как удобно, – мелькнуло в голове Потемкина, – в случае появления серых падальщиков будет возможность скрыться».

– Как тебя звать? – спрашивал Игорь, тем не менее, не забывая держать палец на спусковом крючке. Мало ли что? Подобные типы обычно и промышляли тем, что подстерегали случайных путников в своей деревеньке, никогда не покидая насиженного места. Жили обособленно, были хитры и очень опасны для проходящих мимо людей. Давно, когда Катастрофа только случилась, населенные пункты грабили. Но даже годы спустя там все еще можно было обнаружить что-то ценное, необходимое. Вот поэтому случайные путники никогда не проходили мимо заброшенной деревни или поселка, где их частенько подстерегал неожиданный сюрприз. Какой-нибудь урод, наподобие этого, грязный, оборванный и сильно деградировавший, нападал и забирал все более или менее ценное. И редко когда путнику удавалось спастись.

– Игнат я, – прохрипел незнакомец.

– Что с дочкой?

– Больная совсем, – снова зачастил оборванец. – Очень больная. Ей бы лекарства чуть-чуть.

– Все, заткнись, – Потемкина уже тошнило от этого типа. – Почему, когда была возможность, ты не ушел к людям? Не увел ее к ним? Недалеко, вроде, город. Юрьев-Польский, кажется. Может, там еще осталась цивилизация, защита, питание, доктора...

– Цивил-изаааация, – Игорю то ли показалось, то ли Игната чуть не вывернуло изнутри, когда тот произносил это слово. Оборванец несколько раз с шумом сплюнул. – Оружие – да. Защита – нет. Сила, сила, сплошная сила. Как я мог оставить дочку с ними? С этими садистами. Насилие, страх, власть и смерть... Смерть. Смерть. Смерть...

– И давно ты был там? В городе?

– Когда дочке пять стукнуло, а жена... Жена ушла, – Игнат снова раскашлялся.

– Она вас бросила? – почему-то не удивился Игорь, но вместо слов оборванец зарычал.

– Бросила! Именно! Свалила на тот свет, прихватив Ваньку и Славку. Любимых сыновей. Бросила, сучка! Лучше б я ее сразу пристрелил! Чего было детей мучить? Резать их? Колоть? Слава богу... – на этой фразе он вновь раскашлялся, потом тяжело сплюнул, словно сболтнул что-то лишнее. – К чертям бога! Не поступил бы он так со мной и моими детьми! Но вот Ольгу удалось спасти. Тогда и мотался я в этот твой чертов город. Да встретили меня там, как... Как дерьмо. Еле ноги унесли с дочуркой!

– А сколько ей сейчас? – спросил Потемкин, чтобы понять, как давно они ходили в город. За десятки лет все могло перемениться. Особенно власть. Она порой в небольших общинах менялась слишком часто.

– Да я разве считал? – оборванец пошел дальше. – Но с тех пор достаточно лет прошло, чтобы из маленькой крохи вымахала такая красивая, сочная деваха. Увидишь – ахнешь! Даже подумать не мог, что такую деваху сотворю...

Эти слова почему-то не понравились Потемкину. То ли из-за того, как они звучали, то ли оттого, с каким вождением в голосе их произносил Игнат. Так не говорят о собственной дочери. Скорее, о любовнице...

– Ну, вот, – удовлетворенно крикнул оборванец. – Пришли.

Новый всполох молнии на миг обозначил в окружающей черноте силуэт дома, а чуть дальше – верхушки деревьев, что не могло не радовать. Рядом был небольшой лесок, в котором, по всей видимости, и расположилось кладбище. Так что, в случае чего, добежать недалеко. Кроме того, словно сорванный с небес очередным порывом ветра, заморосил холодный и противный дождь. Но и это тоже было хорошо. Он смоет все следы их присутствия, растворит их запахи во тьме ночи и спрячет от серых падальщиков, крадущихся где-то рядом и вынюхивающих добычу в кромешном мраке...

Игорь, аккуратно переставляя ноги, вошел в сени. В доме стоял тяжелый смрад. Потемкин держал за шкурку хозяина дома, который, словно поводыр, вел вперед, в утробу этой шаткой и гнилой избы, где смогла выжить его семья.

Пока Игорь лихорадочно пытался нащупать во внутреннем кармане фонарик, выпустив из рук повисший на ремне автомат, оборванец понял, что ствол «ксюхи» больше не давит под ребра. Он уже перешагнул порог дома и вдруг одним движением извернулся, одновременно пытаясь захлопнуть дверь. Потемкин сильно ударился о косяк. Ошарашенный лекарь завалялся вглубь темных сеней, задев что-то по пути и яростно матерясь. Звук покотившегося по полу ведра перекрыл глухой стук захлопнувшейся двери. Обрез Игната тоже куда-то отлетел.

Потемкин проклял свою неуклюжесть, послал к чертям всех, кого можно, и, наконец, выудил фонарик из-под плаща. Еще он достал нож. Другое оружие невозможно было использовать – звуки выстрелов могли привлечь серых тварей, что шарили по округе.

Луч фонаря выхватил из темноты изъеденную жуками древесину, небольшое помещение, свалку ведер, лопат и какого-то другого хлама, а также плотно закрытую дверь. Игорь с сомнением посмотрел на нее: а надо ли ему туда? Уж больно не хотелось лезть на рожон, но тут он вспомнил про девчонку, возможно, живущую здесь, и то, с какой похотью рассказывал о ней Игнат. У мужчины начало все закипать внутри. Конечно, могло оказаться, что оборванец сочинил слезливую историю, пытаясь заманить Игоря в ловушку, и, скорее всего, никакой девчонки нет, но что-то подсказывало лекарю, что, оставив такое существо, как Игнат, в живых, он обрекает других возможных путников на страшную смерть.

Потемкин толкнул дверь рукой. Та, вопреки ожиданиям, со скрипом распахнулась. Слабый луч старого фонарика неплохо справлялся со своей работой, да и помещение оказалось небольшим, поэтому света вполне хватало, чтобы Игорь мог все разглядеть. Это была, по всей видимости, кухня. Деревянный стол с наваленной на него грязной посудой, пара табуреток, печь у дальней стены, невероятного темно-серого цвета от покрывавшей его грязи ковер на полу, деревянный потолок из гнилых, местами обрушившихся досок и закрытая дверь, ведущая, надо понимать, в «зал» или спальню. Запустение здесь царило страшное. Создавалось впечатление, что в доме никто и никогда не жил. На полу свалка мусора, а все вокруг покрывал толстый слой пыли, на котором местами виднелись отпечатки рук. То большие, принадлежащие, надо думать, Игнату, то маленькие... Очевидно, про дочку Игнат не соврал. И она действительно существовала, хотя бы какое-то время назад еще была здесь.

Потемкин, держа нож наготове, посветил фонариком, затем резко шагнул вперед. Никого не обнаружив, он медленно пошел дальше, к закрытой двери в другую комнату, не обращая внимания на мелкие предметы обстановки. Сейчас главной проблемой был прячущийся где-то человек, а табуретка не могла бы укрыть его.

Как и следовало ожидать, дверь оказалась закрыта изнутри. Чтобы запереть ее, Игнат потратил больше времени, чем на предыдущую. Несколько раз с силой толкнув обитые фанерой доски и убедившись в этом, Игорь заметил, что петли еле сидят в старом, прогнившем дереве. Одним мощным ударом ноги он практически вырвал их с корнем. Дверь накренилась внутрь. Еще удар – и она рухнула на пол, подняв облако пыли.

Стоя на пороге, Потемкин более детально осмотрел комнату, осветив фонарем ее запустение, бардак и гниль. Спрятаться здесь было практически негде, разве что за этой накрытой кучей выцветших одеял кроватью или в массивном шкафу в дальнем углу, но в комнате никого не было. Правда, можно еще было влезть на чердак сквозь широкую дыру в потолке или забраться в погреб, который точно должен иметься в таком доме.

Игорь, часто оборачиваясь, осторожно двинулся вглубь комнаты. Когда-то здесь, возможно, было даже уютно. Большой круглый стол в центре, несколько кроватей – видимо, еще и детские, массивный шкаф, тумбочка с телевизором, на двух окнах легкие вязанные шторы и большая, с множеством уцелевших качающихся подвесок люстра, которая еле держалась за счет единственного проводка. И все вокруг покрыто толстым слоем пыли и мусора. Табуретки перевернуты. А пианино, что находилось рядом с дверью, – поломано, как если бы кто-то сделал это специально. Да и икона Божией Матери, висевшая в углу, была обезображена. Опаленная, словно ее несколько раз поджигали, с выцарапанными глазами, она представляла собой жуткое зрелище. Будто вместо Святого Духа в этом доме поселилось зло. И уже много лет назад...

Игорь нагнулся и заглянул под самую большую кровать: покрывала свисали до пола и могли скрыть собой Игната. Ничего, кроме клубящейся в свете фонарика пыли, мужчина не обнаружил. Тогда лекарь подошел к шкафу и, приняв боевую стойку, резко распахнул створку двери...

От неожиданности он отшатнулся, чувствуя рвотные позывы. Пустыми глазницами на него смотрели три скелета в рваной, почти истлевшей одежде, без следов плоти, над которой,

очевидно, уже поработали черви. Причем один скелет – взрослого, а два поменьше, прижавшиеся к первому – детские.

Выражение «скелет в шкафу» Потемкин прекрасно помнил, но, чтобы вот так, буквально, в реальности...

Впрочем, воображение дорисовало остальное. Дети прижимались к матери, которая, спрятавшись в шкафу, пыталась их защитить, а в это время по дому бродил безумный Игнат в поисках своих жертв. И нашел. Всех троих. А потом либо не захотел, либо просто не смог похоронить их по-человечески, оставив гнить в шкафу, словно ему было жалко с ними расставаться. Ага, а убивать не жалко...

Сзади скрипнуло. Игорь резко развернулся, заноса для удара нож. В свете фонарика мелькнули ноги скользящего откуда-то сверху человека, нацеленные ему в грудь, и двое мужчин, сцепившись, завалились в шкаф с человеческими останками. Грохот ломающейся древесины, треск крошащихся костей, пыхтение, кряхтение, рычание – все слилось в жуткую какофонию. Кто кого душил, кто кого бил – не разобрать. Лишь: «Мать твою!» – когда Потемкина укусил за шею оборванец, и неуверенное: «Ох!» – когда нож лекаря легко вошел в бок Игната.

Хватка обезумевшего мужчины ослабла. Игорь оттолкнул его, безумец откатился в сторону и медленно поднялся на ноги.

Игорь тоже встал с осколков костей, на которые его повалил Игнат, и отряхнулся. Фонарик лежал на полу, освещая часть комнаты и раненого человека, стоящего напротив. Тот вытянул нож одной рукой, другой на что-то показывая за спиной Игоря и мыча. Будто что-то хотел сказать. Взгляд вполне человеческий, осмысленный. Словно он только что понял, что натворил когда-то давно, словно он раскаялся...

– Оленька... Ольга, – наконец, разобрал Игорь тихие слова, срывавшиеся с его губ. После чего мужчина, шатаясь, выбежал из комнаты.

– Ольга? – удивленно прошептал Потемкин и повернулся к шкафу, на который до этого указывал оборванец. Три трупа. Матери и двух сыновей. При чем тут мистическая дочка, якобы оставшаяся в живых? Странно все это.

Потемкин, подняв фонарик, уже направился к выходу, как различил тихий звук, исходящий откуда-то снизу. Будто кто-то мучительно и долго кашлял, но доски не давали этому звуку обрести силу.

– Да елы-палы... погреб! – Игорь бросился к шкафу и начал лихорадочно сдвигать громоздкую и тяжелую конструкцию, стараясь не задеть еще уцелевшие кости. Но не получалось: хрупкие и истонченные временем, они ломались и хрустели под тяжелыми ботинками лекаря. Как же он не понял сразу? Шкаф прикрывал крышку подвала, а там, внизу, кто-то находился. Только бы не ребенок...

Полчаса спустя Потемкин выносил из подвала на руках девушку лет восемнадцати – двадцати, замотанную в одеяла. Она была в беспамятстве, часто кашляла, металась в горячечном бреду, пыталась что-то сказать, но Игорь разобрал всего лишь несколько слов.

– Мама... Мама... Ванька, Славик... Папа, папа... Не надо... – постоянно повторяла она, пока лекарь осматривал ее и закутывал. Многочисленные гематомы свидетельствовали о постоянных побоях, а о том, что еще вытворял с ней сумасшедший, думать совершенно не хотелось.

Занимаясь Ольгой, Игорь совершенно забыл про Игната. А этого явно не стоило делать. Он застыл на последней ступеньке подвальной лестницы, когда луч фонарика, закрепленного теперь на голове, выхватил из мрака вдруг снова возникшего из недр этого проклятого дома сумасшедшего мужчину. Волосы зашевелились на голове Потемкина.

– Не смей, – прошептал он. – Ради своей дочери, слышишь? Не смей.

Но Игнат совершенно его не слушал. Он стоял на коленях в углу с иконой и молился, вернее, быстро шептал что-то совершенно невменяемое, а перед собой стволом вверх держал свой старенький обреза. Упертые в подбородок стволы не вызывали сомнений по поводу его намерений.

– Чешется... Все ужасно чешется, – шептал он быстро и сбивчиво. – Нож достать не могу. Силы не те. Ангелы рядом... Алевтина, Ванька, Славик... Оленька... – тут на мгновение он прервался, как будто осознал, что совершил.

В ту же секунду его плечи затряслись. Мужчина зашелся плачем, прерываемым грудным кашлем, сквозь который проскакивали отдельные фразы:

– Они рядом. Они кружат. Мыслить не дают, спать не дают. И Ад здесь же... Руку протяни – достанешь до огня, сжигающего душу. Прошу, спаси... Прими жертву... За всех детей моих, за жену... Забери меня, грешного, с этой проклятой тобой земли...

– Нет, Игнат! Ты нас всех погубишь... – не успел Игорь закончить фразу, как тот нажал на спусковые крючки. Два выстрела одновременно прогремели в замкнутом пространстве, голову мужчины разнесло по потолку, кровавым месивом окропив старые доски. Уже мертвое тело, держа в руках двустволку, медленно завалилось на бок.

Игорь, чертыхаясь, тут же бросился к выходу с Ольгой на руках. Он уже знал, что их ждет. Спрятаться в погреб или влезть сквозь дыры на чердак означало обречь себя и девушку на осаду зверей, которые не замедлят появиться.

И точно. Не успел Потемкин вынырнуть со своей габаритной из-за одеял ношей из дома, как тишину вокруг разрезал жуткий вой серых тварей. Охота началась.

Теперь только лесок за домом мог спасти, а вернее – находящееся под кронами деревьев кладбище. Мужчина, не задумываясь, бросился туда. Свет прикрепленного к голове фонарика скакал, словно зайчик, не давая толком увидеть дорогу. И лекарь, только чудом не упав, преодолел полсотни метров до забора.

А сзади уже слышались тяжелый топот и яростное рычание почуявших добычу тварей. Несколько секунд отделяло их от трясущегося в напряжении Потемкина, который перекидывал бессознательную Ольгу через оградку первой на пути могилки. Сделав это, он резко развернулся, выхватывая из-под плаща АКСУ, свет резанул по глазам жоака, который уже был в паре метров от мужчины. Зверь затормозил, шурясь, но все равно в прыжке попытался достать лекаря. Потемкин нажал на спуск, и пули разворотили жоаку половину морды, а сам мужчина резко отступил и вдруг упал, перелетев через оградку.

Поднявшийся яростный вой перекрыл шум дождя. Игорь быстро оттащил от заграждения девушку, не обращая внимания на то, что ползет по влажной и склизкой могильной насыпи. Вспышка молнии выхватила из мрака справа покосившийся крест.

Серые падальщики, что, вопреки названию, не гнушались и свежатиной, бесновались в каком-то метре от территории кладбища, но дальше, в земли мертвых, не шли. Эта странная особенность большинства чудовищ нового мира неоднократно спасала Потемкину жизнь, но огромные серые «собаки» все равно внушали некоторые опасения. Поэтому, не тратя зря времени, Игорь, стараясь не поскользнуться, подхватил девушку на руки и отправился вглубь кладбища, лавируя между ржавыми ажурными решетками и моля Бога, чтобы твари и на сей раз не изменили своим странным обычаям.

От избы Игната послышался призывный вой. Сомнений не было – твари нашли его тело. Звери в последнее время на удивление чутко реагировали на кровь. Оставшиеся падальщики после недолгой перебранки бросили сторожить кладбище и, по всей видимости, уволокли с собой мертвого жоака.

Блуждая между загородками, Игорь высмотрел небольшую беседку, сделанную когда-то с одной целью: спокойно побыть наедине с памятью о родном, любимом человеке, не боясь

дождя, или, наоборот, в жаркую погоду – палящих лучей солнца. Строение было все еще целым, так что путники нашли более или менее сносное укрытие.

Мужчина усадил девушку на скамейку, прислонив к узорчатой стене, быстро достал кулек с измельченной сухой травой из походного мешка и положил ей в рот.

Еще несколько дней, и болезнь не будет угрожать жизни Ольги. Так как старых медикаментов было не достать, в условиях нового мира болезни можно было исцелять только лекарствами, полученными из растений этого самого мира. И Игорь на собственном опыте познакомился с ними, однажды чуть не отдав Богу душу. Но все обошлось.

Естественно, если оставить Ольгу здесь, в продуваемой ветром беседке, то и это лекарство вряд ли справится с лихорадкой, одолевающей девушку. Надо нести ее в город. Сверяясь по памяти с картой, Потемкин знал, что он недалеко. Как их там встретят и кто, было неясно, но другого выбора не было. Ей нужен покой, тепло и крыша над головой, чтобы защитить от непогоды. Серые падальщики его сейчас не волновали. Они нашли себе добычу на эту ночь и будут делить, пока не насытятся, да и лекарь показал тварям, пусть ненадолго, кто здесь хозяин, убив вожака. Первое время они не рискнут нападать, а значит, у Потемкина в запасе, как минимум, целая ночь.

Нужно было уходить.

Вздохнув, он поднялся и подкрутил фонарик, чтобы тот светил слабее и не так явно выдавал хозяина, потом взял на руки девушку и медленно направился к противоположному краю кладбища. На его границе Потемкин остановился, разглядывая сигнальные огоньки города, которые служили маяком путникам, и быстро, насколько позволяла тяжелая ноша, пошел по полю, стараясь не поскользнуться на влажной от дождя почве.

А тем временем морось усилилась. Это было хорошо: дождь смывает все следы и запахи...

Глава 2

Оборотень

– Яр, смотри, какой подарок нам сегодня сделала погода! – Николай Павлович отошел от узкой бойницы, пропуская юношу поближе. – Со времен Большого Трындеца ничего подобного не видел. А красиво-то как! Как лучик надежды, знак свыше какой...

Но Ярослав уже не слушал старшего товарища, который то ли в шутку, то ли всерьез, всегда называл Великую Катастрофу «Большим Трындецом». Юношу целиком и полностью поглотило небывалое в его жизни зрелище. Что и говорить, ради такого случая Яр высунул бы голову как можно дальше за крепостную стену, но она была слишком толстой – в узкую бойницу не высунуться. Благо, что откос окна давал вполне приличный обзор местности, а каждая бойница дополняла часть угла обстрела другой, поэтому из северной башни, где сейчас им предстояло провести ночное дежурство, открывался неплохой панорамный вид. Это было удобно и для контроля за прилегающими территориями, и для обороны. Четыре башни вполне справлялись с защитой жилого периметра в сотни метров, обнесенного мощной крепостной стеной.

Сердце юноши сжалось в груди, а после быстро-быстро заколотилось от волнения, когда чуть дальше к северу он увидел луч света, скользнувший из-за тяжелых туч, мрачно плывущих над землей. Так вот ты какой... Парень никогда не видел светила. Он родился на два года позже Катастрофы и вырос под серым, озаряемым молниями небом, ничего, кроме тоски, в души людей не вселяющим. И он никогда не представлял, какое оно – солнце, хотя неоднократно слышал от старших о его невероятных возможностях. Оно и греет, и светит, и ласкает, и сжигает, и дает жизнь всему сущему... Хотя, если подумать, то и без его присутствия жизнь вокруг все еще не исчезла. Но дело не в этом. А в том, что луч, скользнувший из-за туч на краткий миг и разукрасивший в яркие цвета небольшой кусок земли, произвел на юношу настолько неизгладимое впечатление, что даже голос старшего соратника не мог отвлечь его от открывшегося пейзажа.

– Слышь, парень, ты чего?

Когда тяжелая ладонь друга мягко легла на его плечо, Ярослав вдруг осознал, что схватился за почти тысячелетний камень кромки окна с такой силой, что подушечки пальцев побелели. Он не мог понять, что его так взволновало в увиденном. Просто одиночество внезапно тяжелым одеялом накрыло юношу. Матери он никогда не знал, отец ушел два года назад на охоту, но так и не вернулся, оставив непохожего на всех Ярослава совершенно одного. И, возможно, одиночество не ощущалось бы так тяжело, если бы не окружающие, которые из-за его внешних особенностей невзлюбили парня. А исчезновение отца словно развязало им руки, дав возможность не скрывать своего отношения. И этот единичный лучик был чем-то сродни ему, изгою, нелюбимому окружающими, но без какой-либо возможности избавиться от них, вырваться и уйти. «Словно луч, скованный тучами».

– Успокойся. Вон, Ивану тоже глянуть хочется.

Ярослав отошел, а Выдренков посадил десятилетнего сына к окну, но, похоже, чудесное явление сошло на нет, так как Ванька разочарованно протянул:

– Ну, и где этот ваш знак свыше искать? На грядках нету... – похоже, он имел в виду картофельные грядки, что начинались сразу же за крепостной стеной и уже были убраны под зиму.

Палыч тоже выглянул в бойницу и быстро забормотал, успокаивая мальчишку:

– Прошло... Ну, ничего, какие твои годы? Увидишь еще. И лучик, и солнце, и ясную погоду, когда не надо прятаться от дождя или снега. Ну, а теперь шуруй домой, а то мамка твоя наедет потом.

– Ну, дядя Коля! – затащил пацан свою излюбленную песню. – Ну, можно еще чуть-чуть с вами побыть? Тут так интересно. Да и сказку обещали. Я потом быстро-быстро до дома добегу. Правда-правда. Ну, дядь Коль!

– Хорошо! – неохотно сдался сорокалетний мужчина, поправляя свою теплую шапку и сдвигая на лоб пацаненка такую же. – Только чтобы, как стемнеет, прямо бегом-бегом!

– Да, дядь Коль! – запрыгал Ванька на месте.

– Тогда двигайся ближе к костру, начну рассказ, а то до темноты времени в обрез.

– Ванька схватил у стены мешок, набитый соломой, и подтянул его ближе к чугунному широкому тазу, в котором, потрескивая, горел небольшой костерок, затем радостно устался на Николая Павловича, который потянулся за своим мешком.

Ярос, в свою очередь, вновь подошел к бойнице и принялся разглядывать окружающий Юрьев серый мир. Картофельные грядки под самыми стенами, чуть дальше – пустая вырубка на краю леса и холмы, тут и там поросшие редкими лесками и тянущиеся к горизонту, где они сливались с таким же серым небом. Кое-где из-за вершин холмов выглядывали крыши разрушающихся от времени и непогоды деревенок. Покинутого города с этой стороны не видно. Смотрящие пугающими зевами окон кирпичные и бетонные дома можно было увидеть с других башен Юрьева, но зато в этой – северной – было спокойней. В поле любую тварь видно издалека, не то что в подступивших очень близко брошенных домах. Благо старый город отделялся от крепости высокой насыпью, под которой еще столетия назад люди прорыли себе разветвленную сеть коридоров и кладовых, где сейчас и обитала большая часть населения. Стены же высотой около четырех метров и возрастом почти восемь веков оберегали выживших от опасных тварей, иногда совершавших набеги на Юрьев. Внутри города, кроме нескольких хорошо сохранившихся храмов, жители еще во времена Великой Смуты, когда также боролись за жизнь и ресурсы с себе подобными, возвели много различных построек. И теперь около тысячи человек могли спокойно сосуществовать бок-о-бок, помогать друг другу, растить детей и обороняться совместными усилиями как от тварей, так и от людей, дерзнувших покуситься на столь лакомый кусочек, как бывший Михайло-Архангельский мужской монастырь, обнесенный толстыми стенами и заложенный еще в Средние века при Юрии Долгоруком.

Ярос поставил рядом длинный тугой лук. Такую редкость, как огнестрельное оружие, доверяли в дозоре только самому старшему и опытному человеку, но это юношу совершенно не беспокоило. За долгие годы тренировок лук, сделанный по музейным образцам, стал продолжением руки, а стрелы в девяти случаях из десяти – смертью для любого существа, четвероногого или двуногого, без разницы.

Также арсенал стрельца дополнялся коротким копьём со стальным наконечником и массивным ножом, которые производили еще до Катастрофы. И нож, и АКСУ Палыча были на строгом учете у начальника стрельцов – так себе название, но оно вполне отражало суть их работы, уходя корнями глубоко в историю, когда мужчины вроде них отбивали нападения кочевников. И краеведческий музей, который до Трындеца находился на территории монастыря, дал название стрельцам, предоставил образцы копий и луков со стрелами.

– Дядь Коль, – попросил Ванька, когда Палыч поудобнее устроился у старой бочки, в которой горел костер, – а давайте сегодня про оборотня!

Яр непроизвольно вздрогнул, а Николай Павлович, украдкой взглянув на юношу и его реакцию, тихо сказал:

– Э, нет, давай не сегодня. Завтра. Я, как домой с дежурства приду, так тебе и расскажу... что ты уже сто раз слышал. Хорошо?

– Ну, дядь Коль, – заканючил парень, жалостливо поднимая брови, – Ну... Пап!

Вот ведь шельмец! Знает, на что надавить, чтобы разжалобить мужчину. Палыч лет пять жил с матерью пацаненка, что неудивительно в столь страшное время. На замену погибшим, умершим, да и просто пропавшим родным человеку свойственно находить себе новых. А женщине с двумя детьми сильное мужское плечо необходимо втройне. Вот Ванька и изловчился в особо выгодных для него ситуациях называть отчима «отцом», что было не только на руку мальчишке, но и Николаю приятно.

– Да ладно, Палыч, расскажи ему уже, – махнул рукой Ярослав, почувствовав, как мужчина умолк в замешательстве, пытаюсь, видимо, вежливо отказать приемному сыну. – Не даст ведь спокойно отдежурить.

– Да, пап, расскажи!

– Да знаешь ты эту историю уже! Два года весь Юрьев про это судачит. И Ярослав ее совсем не хочет...

– Ничего, Палыч. Я в порядке, – юноша лишь уставился на горизонт. Серая полоска неба, сливающаяся со столь же неприглядной равниной, завораживала и заставляла лишние мысли исчезнуть, словно отгораживая от того, что было.

– Ладно, – сдался мужчина. – Только смотри у меня! Мамке все расскажу. Потаскает она тебя за патлы сальные! Ох, Вань, потаскает.

– Не пугай, дядь Коль. – Мальчишка, казалось, совсем не боялся угроз отчима. Наоборот, глаза его разгорелись в предвкушении страшной истории, хотя он действительно слышал ее неоднократно. – Уже стемнело почти. Сам потом будешь ругаться, что не успел.

– Хорошо. Слушай, – начал Николай Павлович. Он подбрасывал в старую бочку дрова, шевелил угли, отчего по стенам вокруг плясали замысловатые тени.

Ванька съезжился на тюке, подобрал ноги и обхватил руками коленки, будто от слов отчима в самом деле пробуждалась неведомая сила и бродила вокруг стрелецкой башни, желая наказать рассказчика и собравшихся рядом за распространение страшной тайны.

– Егор Кравцов...

– Это тот, веселый, – перебил Ванька, – в подмастерьях у механика был?

– Он самый, – кивнул Николай. – Не будешь слушать – живо к мамке пойдешь!

– Молчу-молчу, – мальчик тут же вжал голову в плечи, поглубже зарывшись в воротник.

– Так вот... Егорка пошел как-то через лес к плотине, чтобы плановый осмотр сделать. Через час вернулся в Юрьев сам не свой. Весь ободранный, в царапинах и ссадинах, глаза безумные! Горят прям глаза! Одежда порвана в нескольких местах, а на открытой спине... синяки да ссадины с кровоподтеками!

– Его били? – тут же не замедлил с вопросом Ванька.

– Били-били, – кивнул старший. – Еще как били! Но тогда из рассказа Егора ничего и понять нельзя было. Порол сначала невесть что – не мог нормально слов связать, так напугался. Потом все же допытались у него кое о чем. Когда уж успокоился, то рассказал о нападшем на него чудовище. Человек – не человек, тварь – не тварь, не пойми что в драной и заношенной старой одежде.

– Человек-чудовище? – Ванька так вытаращил глаза, словно слышал эту историю впервые.

– Никто точно не знает. Это существо, по ходу, было сильное невероятно! До чертиков! Швыряло Егора об деревья, таскало по земле и камням, словно тот ничего не весил. Но иногда... иногда, как Кравцов рассказывал, в глазах почти человеческий разум был. Смотрела жуть эта на парня осмысленно и просила...

– Просила? – не удержался мальчишка.

– Вот именно, что просило оно! Нет, даже умоляло... убить его! Представь, идешь ты такой по лесу, никого не трогаешь, а тут на тебя монстр страшный нападает и в перерыве между нехилыми такими тумаками говорит, что хочет умереть. А ты ему должен помочь. На

месте Кравцова я бы тоже потерял дар речи... да что и говорить – принес бы полные штаны навоза. А Егор не дурак – деру дал, пока чучело в обносках ему пыталось объяснить, как сильно оно желает умереть. А пока бежал, слышал, как эта шняга воет. Оно еще что-то вслед кричало, то угрожало, то умоляло, а напоследок Егор одну фразу услышал: «Скоро все погибнут!» На самом деле – жутко... – Николай замолчал, помешивая угли в бочке. Красные искры тут же сорвались вверх, кружась в неистовом хороводе.

– А дальше? – Ванька с нетерпением заерзал на соломенном тюфяке. – Дальше что было?

– Ммм... Дальше? – старший медленно отвел взгляд от пылающих дров, словно вспоминая что-то, и заговорил: – Дальше, Ванька, как у людей и случается, ему не поверили. Обвинили в трусости, наклеили ярлык чокнутого, намекали всякий раз на его извращенное воображение. Совсем загнобили парня. Через полгода Кравцов не выдержал. Выклянчил оружие у главы стрельцов и отправился в лес со словами: «Я вам докажу! Слышите?! Докажу, что не трус!» Вообще... Стыдно бывает за людей. За их озлобленность, неверие, которое в презрение переходит. Ведь именно оно человека и уничтожает. Терзает, подтачивает, сводит с ума... Дозорные на башнях слышали потом выстрелы в лесу, но оттуда Егор так и не вернулся. Ни сразу, ни потом – день, два, три спустя.

– Так что же, его так и бросили? – Ванька удивленно округлил глаза.

– Бросили, да. А смысл искать ненормального, который самовольно ушел смерти искать?

– Но это неправильно! – мальчишка серьезно нахмурил брови. – Как же так?

– Неправильно, да, – согласился Николай и вновь уткнулся взглядом в тлеющие в бочке угли. – Но очень трудно поверить человеку, который рассказывает такие вещи. Что бы за двадцать лет ни случилось, а даже ядерная война не заставит человека верить, как говорится, ближнему своему. В общем, через некоторое время со стороны леса начали раздаваться крики. Не то на вой они походили, не то на истеричный смех, а не то на вопль, который хрен пойми кто вообще издавать смог бы. И громко так... Жутко. Страх в городе поселился. Что-то ужасное появилось около деревни. Затаившееся и пугающее уже одними слухами о нем.

– И что, нельзя было ничего сделать?

– Отчего же? Можно. Трое добровольцев вызвались прочесать лес. Среди них был отец Ярослава. И опять дозорные беспорядочные выстрелы и крики слушали, прям кровь в жилах стыла, говорят, но никто так и не вернулся обратно. После этого отправляли в лес группу стрельцов, но ничего не нашли. Ни тел мертвых, ни следов чудовища. Словно все четверо сквозь землю провалились. Только крики эти ужасные с тех пор прекратились. Как будто ценой своих жизней бойцы уничтожили и того – другого.

– Страшно-то как... – прошептал Ванька.

– Еще бы, – хмыкнул Палыч, – но это еще не все. Где-то год назад дозорные, что в этой башне ночами бдели, начали рассказывать о фигуре, которая в свете молний на самом краю леса появляется. Не двигается, молчит, темная, как тень, за нашим домом как бы наблюдает. И теперь люди вконец испугались ходить к лесу и в его окрестности. Ремонтная бригада ходит на плотину в сопровождении группы бойцов, делая большой крюк в обход.

– Стемнело, – тихо проговорил Яр. – Вон огни зажглись на периметре.

– И то правда! – согласился мужчина. – А ну, сын, бегом домой! А то в следующий раз с мамкой пойдешь.

– Да ну на фиг! – протянул возмущенно паренек. – За курами и кроликами дерьмо убирать?

– Ну-ка, не ругаться! – нахмурил брови отчим и, хлопнув пацана пониже спины, негромко рывкнул: – Живо домой!

– Да бегу-бегу! – бросил на ходу Ванька, потом остановился на верхней ступеньке винтовой лестницы и обратился к Яросу: – Ах, да! Забыл! Тебя Варька просила после смены к ней забежать.

Яр покраснел. На бледной коже в одно мгновение появились красные пятна. И он, не отворачиваясь от бойницы, бросил назад:

– Хорошо, мелочь, приду!

– Сам ты... – обиженно пролепетал Ванька и метнулся вниз по лестнице. Палыч лишь глубоко вздохнул, искоса глядя на Яроса.

– Палыч, а ты правда думаешь, что эту темную фигуру видели дозорные? Я вот уже полгода с тобой здесь, и – ничего подозрительного...

– Не знаю, Яр. Врать не буду – я не видел. Но парни рассказывают.

– Может, показалось им? Ну, там, дерево какое, шибко скрюченное...

– Может, но не стольким же сразу.

Ночную тишину нарушила далекая автоматная очередь, заглушаемая воем серых падальщиков. Стрельцы прильнули к бойницам, вглядываясь в накрывшую землю тьму. Некоторое время ничего не происходило, потом первым что-то заметил Яр:

– Смотри, огонек!

– Точно, – теперь и Палыч увидел. – Сюда движется.

– Будем следить?

– Обязательно! Не то ты правил не знаешь, балбес! – впрочем, негодование мужчины было напускным. На всякий случай он начал расчехлять старенький, но еще работающий прожектор.

Почему, когда начинает падать снег, человеку становится теплее? Может, потому, что огромные, медленно кружащиеся снежинки вбирают в себя излишнюю влагу из перенасыщенного ею воздуха? Или потому, что во время первого снега спадает ветер, который словно успокаивается к тому времени, как сделал свою тяжелую работу – донес наконец до места наполненные водой серые тучи? Этот вопрос возникал у Игоря еще до Катастрофы, когда они с друзьями гоняли мяч во дворе собственного дома, или когда он провожал свою первую девушку по ночной аллее среди старых, на удивление разлапистых вязов, или позже, во время прогулок с широкой двухместной коляской около общежития, в котором жили после окончания военно-медицинской академии вместе с Ритой, пока не переехали в Сибирь...

Сейчас, если это и волновало его, то где-то на краю подсознания, так как Потемкину было очень даже жарко. Ольга, хоть и была худая и легкая, но, замотанная в одеяла, представляла собой довольно габаритную ношу, создавая Потемкину большие неудобства. Было тяжело, душно, пот стекал по спине мужчины, забираясь в самые недоступные места, вызывая неприятную резь и желание почесаться. Снег огромными хлопьями залеплял глаза, норовил залететь за ворот. Игорь старался придерживаться выбранного необъяснимым шестым чувством ранее направления, благо ряд сигнальных огней еле виднелся во мгле. Шарф, обмотанный вокруг лица, сбился, открыв его снегу АКСУ, хоть и прижатый тяжелым плащом к телу, натирал бок и спину, да и вещмешок из-за невозможности его поправить теперь болтался на локте и тянул левую руку вниз.

Потемкин, матюгаясь, продирался сквозь плотный кустарник, заполонивший низины. Пару раз поскользнулся, завалился со своей ношей в мокрый снег и был вынужден сделать еще несколько остановок для отдыха. Но о тварях он сейчас не беспокоился. В этих местах, в основном, обитали серые падальщики. Твари серьезные, границы своих владений охраняют не только от других видов, но и от других стай себе подобных. Так что никаких неожиданностей

в ближайшее время не предвиделось. Как только снег закончился, лекарю пришлось идти уже по скользкой траве, так как он растаял и быстро напитал землю водой.

И часа через три, преодолев около пяти километров, Игорь присел передохнуть метрах в трехстах от конечной цели. Ольга все еще была без сознания, а поселение, стоявшее на пути, обозначалось чередой не очень ярких лампочек, развешанных по стене и служивших скорее для быстрого обнаружения возможных незваных гостей, нежели для их отпугивания. Игорь не сомневался, что его уже давно ждут – фонарик, прыгающий в темноте, замечен издали, но темные бойницы пока были пусты и не выдавали хозяев. Вполне понятно. Потемкин на их месте тоже не спешил бы показываться первому встречному. Особенно ночью. Но выхода не было. Состояние девушки ухудшалось, ей срочно нужны тепло и покой, которые Игорь никак не мог обеспечить в поле. Ждать до утра означало обречь человека на смерть.

– Ну, что? – пробормотал Потемкин, поднимаясь, и обращаясь к бессознательной Ольге. – Осталось чуть-чуть. Пойдем к свету. Посмотрим, куда он нас приведет. Только бы не во тьму...

Он поднял девушку и медленно зашагал вперед, стараясь держаться вдоль поваленного местами забора, огораживающего участок пустой земли. Видимо, здесь что-то выращивают во время короткого, всего в месяц, лета. Слева темнел небольшой лесок. Руки немели от тяжести ноши, а фонарик, до сих пор исправно светивший, начал тускнеть. Игорь постучал по нему. Свет вспыхнул с новой силой. Но, когда мужчина в очередной раз посмотрел в сторону леса, то замер. Луч выхватил из мрака стоящую меж стволов скрюченную фигуру. Потемкин даже не сразу сообразил, что его так поразило в этом странном силуэте. Это был не человек, но все же существо стояло на двух ногах! Ни одна из известных лекарю тварей этого не могла. Кроме того, с могучего торса чудовища свисало какое-то тряпье. И этот факт вызывал еще большее недоумение.

В голове Игоря лихорадочно закружились мысли, нагнетаемые медленно растекающимся по телу и сковывающим его страхом. Оно и понятно – не каждый день встретишь неизвестную тварь, которую еще и неясно, как убить. А тут и ночь к тому же.

Пока он опускал девушку на землю, чтобы прицелиться, странного существа и след пропал. Лекарь в нерешительности посветил по сторонам, пытаясь обнаружить существо, но безрезультатно. Тихо и незаметно оно растворилось в ночном лесу.

Фонарик заморгал вновь, и Игорь, более не мешкая, подхватил Ольгу и пошел дальше, но уже с большей осторожностью. Все чаще поглядывая на лес: не скрывается ли там неслышная тень, с пугающей настойчивостью преследующая мужчину? И он уже готов был расслабиться и списать исчезновение твари на ее трусость, как в луче света вновь возник этот странный силуэт. Но чуть ближе.

Игорь замер, ожидая от монстра каких-нибудь действий, потом медленно, не сводя с него глаз, попытался положить Ольгу на землю, чтобы достать автомат, скрытый под плащом, и на секунду отвлекся. Когда он вновь взглянул в сторону чудовища – никого там и в помине не было.

Странная игра. Можно даже сказать, страшная. Игорь никогда не слышал о тварях, стоящих на задних лапах, укрывающихся неким подобием одежды и играющих со своими жертвами.

В этот раз он медленно пошел к лесу. Туда, где существо недавно стояло, по-видимому, изучая Игоря. Сильно мешал снег, да еще фонарик опять попытался отключиться, оставляя хозяина в полной темноте, наедине с неведомым и страшным созданием. Только не сейчас. Света огней периметра явно не хватало, чтобы что-то различить во мраке, хотя городская стена была не так уж и далеко. Всего каких-то сто метров оставалось до ее ближайшей башни, в основании которой темнела дверь.

Бешено билось сердце, отдаваясь стуком в ушах, заглушая все остальные незначительные звуки. Шорох слева – нет, показалось. Или существо настолько быстрое, что трудно уследить за ним человеку с более медленной, по сравнению с чудовищем, реакцией. Так. Дальше. Вот, вроде, слева тень мелькнула. Поворот – никого. Да что же за тварь-то такая?

Фонарик погас совсем. Потемкин лихорадочно стал стучать по нему, пытаясь реанимировать.

Когда луч снова вспыхнул, Игорь застыл. Оно уже было рядом. Прямо напротив, всего лишь в каком-то шаге, своей верхней лапой отводя ствол автомата в сторону. Игорь попытался направить АКСУ на тварь, но не тут-то было. Монстр, стоящий на задних лапах, не прилагая никаких усилий, плавно уводил ствол от себя, наклоняя нечеловеческую морду к лицу Потемкина. Тот инстинктивно подался назад, но существо легко потянуло его обратно, приближаясь.

За несколько секунд лекарь успел рассмотреть тварь во всех подробностях, благо фонарь светил прямо на нее.

Полностью черные, блестящие глаза, не мигая, вперились в Игоря. Такая же черная матовая кожа, казалось, поглощала падающий на нее свет и вроде бы состояла из мелких чешуек. В целом лицо походило на человеческое, но лишь слегка. Слишком широкие скулы, слишком большие, без век, глаза, искривленный в ухмылке рот и скошенный вниз подбородок. Нос, если и был, то словно растворился в лице, превратившись в две узкие щелочки. Вместо волос и ушей – короткие, но острые иглы, которые едва заметно шевелились.

Некоторое время существо молча вглядывалось в глаза Игоря, затем низким голосом неожиданно прошептало, коверкая звуки:

– Помоги... Убей! – после чего выбросило вперед вторую лапу-руку и схватило Потемкина за шею.

Игорь почувствовал, что его отрывают от земли, сдавливая горло с огромной силой, намертво перекрыв доступ воздуха. Он отчаянно замахал свободной рукой и ногами, стараясь достать тварь. Но хватка оказалась настолько сильной, что все его удары для существа были жалкими толчками или похлопываниями.

Когда в глазах уже начало стремительно темнеть, Игорь непроизвольно вдавил спусковой крючок. Лапа сразу отпустила, позволив Потемкину рухнуть на мокрую траву, с жадностью глотать воздух и тыкать автоматом в разные стороны, ожидая, пока восстановится зрение. Существо, по всей видимости, знало, что такое оружие, поэтому и ретировалось с первыми выстрелами.

Несколько секунд спустя по туманной темной округе прокатился рев. То ли тварь все же задело автоматной очередью, то ли по каким-то другим причинам, но она явно злилась. Зрение достаточно быстро вернулось, и Игорь, тяжело дыша, озирался с поднятым автоматом. Картинка перед глазами слегка расплывалась, смерть явно была рядом, поэтому нужно было сделать над собой усилие и сконцентрироваться. Необходимо выстоять, выжить.

Рев справа, фыркание, топот, потом снова рев – уже слева. Игорю приходилось быстро поворачиваться, пытаясь поймать тварь в прицел. Но у него это плохо выходило, лишь краем зрения иногда удавалось зацепить жуткого монстра, а уж о том, чтобы прицелиться, и речи не было.

И вдруг в один миг все остановились. И тварь, и Игорь. Фонарный луч выхватил из тьмы кошмарное существо, застывшее над беззащитной Ольгой. Холодные щупальца страха обвили Потемкина, связывая суставы и сковывая движения. Стрелять нельзя, тем более очередью. Можно попасть в девушку. А сменить режим стрельбы и снова прицелиться – слишком долго. Ольгу от смерти отделяли считанные секунды.

Как в замедленной съемке, лекарь наблюдал за тварью. Как она понюхала жертву, как приподнялась над телом, обнажив острые зубы, как...

Внезапно на ближней башне вспыхнул прожектор. Его мощности хватило на сотню метров от стены и оказалось достаточно, чтобы захватить врасплох монстра, заставить его зажмуриться и застыть. Потом с легким свистом что-то пронеслось в темноте, и плечо существа пронзила стрела. Тварь удивленно уставилась на торчащую из плеча деревяшку. Еще раз свистнуло, и следующая стрела впиалась в грудь. От такой наглости существо взревело, попыталось вырвать инородные предметы из тела, но лишь обломало тонкие древки, после чего, бросив Ольгу, рванулось к стене, за один прыжок покрывая не меньше трех метров.

Стрелы же летели одна за другой, и Игорь восхитился меткостью стрелка. Лишь одна, скользя по черной спине, отскочила, не причинив вреда твари. Тут же к ним присоединился механический лягз «калаша», одиночными выстрелами вспарывающий ночную тишину. Чудовище замедлилось. Недолго думая, Игорь тоже переключил свой АКСУ на одиночные, прицелился и выстрелил в спину удаляющейся твари. Существо, потеряв цель, завертелось на месте, не понимая, куда метнуться, чтобы уничтожить хоть одного врага. Эта заминка и стала его гибелью. Некоторое время оно сопротивлялось, пока силы, выпитые пулями и стрелами, разрывающими тело, не покинули его совсем. Тварь рухнула в снег, издав напоследок совсем по-человечески тоскливый рев, от которого у Игоря мурашки побежали по спине.

Все стихло и замерло. Только крупные хлопья снега кружились в свете прожектора, засыпая землю. Потемкин еще несколько минут стоял в оцепенении, опустив автомат и потирая шею, пока со стороны башни не раздался мужской голос. Лекарь слегка вздрогнул.

– Эй! Мужик! Ты меня слышишь? – Игорь кивнул. Притворяться не было никакого смысла. Лекарь у этих невидимых защитников стены, как на ладони, и, если им что-то не понравится, через секунду такая же стрела пронзит и тело мужчины. И Потемкин сомневался, что у него здоровья больше, чем у твари, так долго продержавшейся после полученных ран. – Тогда хватай свой сверток, и дуй сюда. К башне.

– Ну, вот он я! – крикнул Потемкин вверх, в темнеющие бойницы сторожевой башни. Лекарь несколько минут назад подошел и ждал возле клепаной чугунной двери, открывающейся изнутри. Она все еще была закрыта. Когда терпение начало иссякать, Игорь напомнил о себе.

– Видим. Жди, – последовал короткий ответ. – Как будет доложено Воеводе, за тобой выйдут.

– Да можете не торопиться, – проговорил Игорь с досадой в голосе. Ему было жаль времени, уходящего впустую. Но тут он с интересом оглянулся. Само провидение давало ему возможность остаться наедине с телом неведомого чудовища. Без лишних глаз, ушей, без всякого надзора, что всегда удобно.

Игорь посадил возле каменной ниши Ольгу, плотно завернув ее в размотавшиеся за время похода одеяла, и подошел к телу твари, находящемуся метрах в десяти от стены. Мужчина осмотрел его повторно, стараясь отмечать детали, которые в пылу схватки не бросились в глаза.

Строение тела, как у человека! Только, если можно так выразиться, гораздо мощнее. Это Игорь ощутил не только на своей шее, но и рассматривая рельеф расслабленных смертью твари мышц. И еще одна деталь вызвала недоумение лекаря – изорванная в клочья, грязная одежда, что была на чудовище. Этот факт пугал больше всего остального, как и единственные его слова: «Помоги... Убей!»

Над этим стоило подумать, но именно сейчас ничего путного в голову не приходило.

Потемкин еще несколько секунд молча осматривал тело, пока его взгляд не наткнулся на клочок бумаги, торчащий из кармана рваных штанов. Мужчина нагнулся и выудил оттуда

находку, но рассмотреть не успел, поспешив спрятать. Дверь сзади заскрипела, и громкий, властный голос скомандовал лекарю:

– А ну, отойди от него! И руки держи на виду, – из дверного проема высыпали бойцы с «калашами» наперевес, в форме черного цвета и штурмовых касках – и где, интересно, нарыли? Они окружили Игоря. Следом вышел низенький, толстый мужчина в папахе и овчинном тулупе и огляделся.

– Что с ней? – мотнул он головой в сторону девушки.

– Больна. Лечить надо, – ответил Игорь.

– Ее и тело твари в лазарет, – тут же распорядился толстяк, – а этого – за решетку. Днем разберемся. Не хватало нам еще тут лазутчиков под утро.

– Но... – попытался протестовать Потемкин, когда его руки скрутили за спиной, стащили войлочный плащ, скрывающий оружие, после чего, обыскав, разоружили и повели внутрь крепости. Хорошо, что на смятый грязный клочок, выуженный из кармана твари, никто не обратил внимания.

Глава 3

Записка

– Смотри-ка, шельмы! Адовы мопсы как чувствуют, что здесь что-то нехорошее происходит – так и тянет их на запах крови! – Ярос было задремал, пригревшись у костра, когда восклицание Выдренкова вырвало его из цепких оков сонного забытья. – А ну-ка, Яр, шамальни по ним стрелой, а то огнестрел жалко, когда еще ходка к войсковой части будет...

Юноша нехотя поднялся, стряхивая с себя оцепенение и поднимая тяжелые веки. Ему совершенно не хотелось сейчас гонять по прилегающей территории серых падальщиков, которых местные жители окрестили «адowymi мопсами» за их чертовски упрямый характер. Если этой твари что-то понадобится, то она будет этого добиваться, пока не умрет или не заполучит то, что хочет.

Яр быстро окинул взглядом стаю привлеченных кровью падальщиков, которые в охотничьем азарте метались под стенами Юрьева, затем спокойно достал стрелу, натянул тетиву тугого лука и выстрелил. Тварь пригвоздило к земле, раздался короткий хрип. Еще две стрелы – столько мертвых «мопсов» понадобилось, чтобы стая снова осознала всю опасность приближения к этим высоким каменным стенам. Только тогда звери, недовольно рыча, пустились прочь от города.

– Всегда любил смотреть, как ты работаешь! – восхищенно заметил Николай Павлович, похлопав юношу по плечу. – Ни одного лишнего движения. Все четко и быстро. Тихая, острая смерть...

– Палыч, может, тебе тоже попробовать? Пару недель на стрельбище, и будет получаться, – Яр с легкой улыбкой протянул товарищу лук, но тот замахал руками, потом прижал к груди «калаш» и замотал головой.

– Не! Это не мое. Да и старый я для всего этого раритета. Вот АК-74У – другое дело... Прижал к плечу, нажал спусковой крючок... Автома-а-атика!

– А когда патроны кончатся? – еще шире улыбнулся юноша.

– Рожок сменю, – уверенно заговорил Николай Павлович, – другой патронами набью...

– Не, – прервал Яр. Лицо юноши стало серьезным, взгляд светло-голубых глаз – острым. – Ты не понял. Когда совсем патроны кончатся и брать их будет негде?

– Знаешь, – чуть помедлив, ответил мужчина, – я надеюсь, что до этого времени не доживу.

– А как же дети? – Ярос чувствовал жестокость своих вопросов, но ничего с собой поделать не мог. Невысказанная правда со временем накапливается, и люди перестают замечать ее, продолжая наслаждаться какой-то иллюзорной, будто сказочной жизнью. – Ну да, не твои же.

– Прекрати, – прошептал Выдренков. – Ты прекрасно знаешь, что я их люблю и буду защищать до последнего патрона.

– Да. Знаю.

– Тогда давай замнем этот разговор. Лучше скажи, что ты намерен делать?

– В каком смысле? – Яр не понял намека и вопросительно уставился на Палыча.

– В смысле Варьки.

Юноша покраснел. На бледной матовой коже запылал румянец. Даже несведущему в их делах наблюдателю сразу стало бы ясно, что парень испытывает к девушке, а уж Николай Павлович и так все знал. Не один месяц мужчина наблюдал, как восемнадцатилетний юноша смотрит на расцветающую семнадцатилетнюю девушку. Тот глаз с нее не сводил. Искал любую возможность попасть в дом к Выдренковым. Смущался, краснел, боялся разговора с Варей.

– В том смысле, что зря ты все это затеял. Любовь с ней, я имею в виду.

– И ничего не затеял! – вспыхнул парень, отворачиваясь к бойницам, выходящим во внутренний двор. – Ничего ты не понимаешь, Палыч. Давай лучше о страннике поговорим.

– Поговорим еще, поговорим, – Выдренков, уstraиваясь у костра на соломенном мешке, сменил тон на доброжелательный. – Только ты не уходи от ответа. Я же другом твоего отца был. И думаешь, мне все равно, как ты сам мучаешься и как мучают тебя все вокруг из-за этих твоих шишек роговых на голове... – Рука отвернувшегося к бойницам Яроса непроизвольно потянулась к шапке, скрывающей его проблему, но Николай продолжил: – Да не снимай ты ее. Видел. Много раз видел, да и от людей ты ничего не спрячешь. Все тайны тут же расплзаются, как ужи в болоте. А ты еще с Варькой решил спутаться! Совсем дурак!

– Ну, а что такого? – Яр с вызовом повернулся. Глаза горели, а губы были обиженно сжаты. – Она красивая! Она добрая, она... Она... Она твоя приемная дочь, наконец! Я не понимаю, почему ты против.

– Именно потому, что она моя дочь, я и против! Пойми же, что кроме красоты и твоей слепой влюбленности, вас ничто не объединяет! Разве еще ее желание покрутить перед вами, балбесами, хвостом, как лиса, и сравнить друг с другом глупых пацанов!

– Я не глупый! – казалось, Ярослав сейчас задымится. Кожа покрылась красными пятнами, кулаки сжались, а губы задрожали.

– О! – развел руки Выдренков. – Ну, конечно! Как я мог забыть? Бакалавр математических наук в пятой степени! Мало того, что ты глупый, так еще и слепой! Не видишь очевидного – что она крутит с сыном Воеводы!

– Что? – Яр аж затрясся. – Это неправда! Зачем ты мне это говоришь?

– Да чтобы тебя, дурака, избавить от очередной напасти! – рявкнул вдруг Палыч. – Или ты думаешь, что Митяй оставит вас с Варькой в покое? Тем более, если она сама, как лиса, юлит меж вами?

Ярос сник. Он молча подошел к костру и уселся на соломенный тюк. Некоторое время тупо смотрел на языки пламени, а затем заглянул в глаза Николаю.

– Что же мне делать, Палыч? А ежели я ее это... – парень замаялся, пытаясь объяснить. – Ну, вдруг я ее действительно люблю? Как мне не дать охмурить Варю этому уроду?

Палыч долго смотрел на юношу немигающим взглядом, а потом просто рассмеялся, беззлобно и искренне потешаясь над глуповатым пацаном. Яр не понял, отчего веселится мужчина. Обиженно скривив лицо, он отвернулся. Попытался скрыть свои чувства, но не смог. Николай Павлович насквозь видел Ярослава.

– Будут в твоей жизни еще нормальные бабы! Какие твои годы? – Выдренков посерьезнел и заговорил более тихо: – Ты сейчас – словно слепой. Ощутил на себе чары девки, которая единственная обратила на тебя внимание, и думаешь, что это любовь? Да чушь! Погибель твоя. Мало того, что тебя из-за твоей особенности не любят, так еще и с Варькой давай, спутайся. Да тебя Воевода со своим сыном совсем со света белого сживут! А девке только этого и подавай. Интри-и-ига! А потом куда, как думаешь, она свой нос повернет? Не знаешь? А я тебе скажу! К тому, у кого власть и средства! А теперь скажи, у кого из вас с Митяем такого добра больше?

Николай Павлович замолчал, и тишина расплзлась вокруг, будто окутывая собой людей. Выдренков выдохся, а Яр понимал, что все эти слова – истинная правда. Неловкая пауза затянулась надолго. Мужчина изредка ворошил тлеющие в поддоне угли, отмалчиваясь, а юноша поднялся и ходил из угла в угол, не находя себе места.

Уже скоро серое утро разбудит жителей Юрьева, заставит начать и прожить еще один тусклый и тяжелый день, полный забот и работы. Яр заглянул во внутреннюю бойницу, выходящую на окруженный четырехметровым забором двор. Он ненавидел это место.

Нет, не древние постройки. Не этот красивый Михайло-Архангельский собор с пятью куполами, где до сих пор вел службу отец Иоанн. Собор так и не решились пустить под хозяйственные нужды общины, вовремя поняв, что религия в столь смутное время – еще один спо-

соб управления людьми, который Воевода отлично применял... Сейчас храм темным на фоне светлеющего неба гигантом возвышался над всеми строениями Юрьева, как бы напоминая, кто в этом мире главный...

Но вот другие здания мужского монастыря: Знаменскую трапезную церковь, надвратную церковь Иоанна Богослова, колокольню, надкладезную часовню все же отобрали у священников и разместили там различные службы, от кузни до конюшен. Архимандритский же корпус – длинное двухэтажное здание, раскинувшееся от одной до другой стены, целиком и полностью перешел в распоряжение Воеводы и стрельцов. Остальным людям приходилось ютиться в подземельях, вырытых давным-давно под окружающим монастырь огромным валом.

Эти постройки, за двадцать пять лет обросшие уже другими, более грубо сработанными строениями, поражали. Соборы, храмы и часовни из другого, исчезнувшего времени, вызывали благоговение у юноши перед их создателями из той давно забытой эпохи, которой Яр никогда не знал и не узнает. И древние здания могли дать юноше лишь малое представление о величии людей прошлого, которые такое строили. Куда все кануло? А главное – зачем они уничтожили свое прошлое, которое позволяло им чувствовать себя если не богами, то творцами точно?

Ненавидел же Яр совсем другое. То, что скрывали эти храмы и древние стены теперь, после потери старого мира. А именно – людей, что еще пытались цепляться за старое, давно потерянное. И то, как они это делали, уничтожая друг друга с одним желанием – выжить самим.

Юноша не раз был свидетелем того, как человека выгоняли за тяжелые, обитые бронзой ворота без всяких средств защиты лишь за то, что тот не угодил Воеводе или его сыну, либо за лишнюю конечность, шестой палец или цвет кожи, отличный от «нормального». Естественно, степень нормальности определялась Воеводой. И его совсем не волновало, что бедняге едва исполнилось десять, а за стенами опасный мир, в котором тот не продержится и часа. Полноценные люди боялись иных, порожденных этим новым миром, и поэтому старались поскорее от них избавиться. Более сотни младенцев в последнее время пошли на корм рыбам в реке Колокше именно по причине их необычности. Если ты «не такой», то мутант, а если мутант, то со временем станешь опасным. И «правосудие по-воеводски» вершилось без каких-либо исключений, независимо от возраста и характера уродства.

Яра же не выставили за ворота еще в детстве лишь потому, что отец, пропавший два года назад, был уважаемым человеком, бойцом, каких поискать. Он не боялся в одиночку отходить от Города на довольно приличные расстояния, что приносило Юрьеву почти все необходимое. Он водил группы и в войсковые части за боеприпасами, и на радиозавод, пополняя запасы проводов и лампочек, и на ткацкую фабрику, склады которой все еще ломились от заклеенных в полиэтилен тканей и шерсти. А также несколько раз он предпринимал дальние походы – сначала в сторону Кольчугино, затем ко Владимиру, в надежде найти выживших. Лишь из-за него и впоследствии – в память о нем, Яра не выгнали из общины.

Но была и обратная сторона медали. После исчезновения отца Яру не давали жить спокойно из-за одной странности, заметно выделявшей его среди других. Выступающие костяные наросты у него на голове походили на недоразвитые рожки. Было ли это мутацией из-за принесенной от больших городов незначительной доли радиации, либо влиянием распыленных когда-то ядовитых веществ – никто не знал и сказать не мог. Но эта особенность очень сильно испортила жизнь юноше, которому с малых лет пришлось испытать сначала издевки сверстников, а позднее – отвращение и ничем не прикрытую неприязнь. Его просто терпели рядом с собой, мирились с его присутствием, пока рядом был авторитетный в общине отец... После же, когда его не стало, гонения и издевки начались снова. Потому юноша и недолюбливал людей, которые унижали его просто за то, что он не такой, как все.

Тучи на востоке окрасились розовым, предвещая восход и конец дежурства. Осталось чуть-чуть, и их сменят, чтобы можно было несколько часов поспать, а затем вновь браться за работу. Палычу – на конюшни, а Яру, поскольку он еще не прошел испытания, – на тренировки,

которые проводились за стрелецким корпусом, где проживали Воевода и стрельцы, а также находился лазарет. Хотя и не будучи стрельцом, но уже состоя в охране поселения, Яр имел право на место в корпусе, но, как ни странно, все еще продолжал жить там, где и родился – под землей, в катакомбах под валом.

Юноша отошел от бойницы и, подсев к костерку, спросил:

– Палыч, – слова нехотя, с трудом сложились в осмысленную фразу, – я бы давно ушел отсюда, если бы не Варя. Только она мне этого не дает сделать. Как же быть?

Некоторое время Выдренков не мог вымолвить ни слова, не моргая, глядел на юношу, затем так же медленно проговорил:

– Неужели все так серьезно?

– Да. В общем-то, да, – кивнул Яр, глядя прямо в глаза другу отца. – Мне кажется, что я ей тоже нравлюсь.

– Кажется, – покачал головой Палыч, – Этого и я тебе не могу точно сказать. Сам не знаю. Но вот идея с уходом мне нравится еще меньше.

– А чем здесь лучше?

– Как это? – Выдренков с болью посмотрел в глаза Яру. Он прекрасно понимал, каково тому приходится в обстановке всеобщей неприязни, но предположить, что где-то может быть лучше, тоже не мог. Ведь даже погибший отец-добытчик Яра – и то говорил, что нормального общества, хоть сколько-нибудь похожего на их поселение, не нашел ни в Кольчугино, ни во Владимире, куда когда-то ходил с экспедицией, и тем более сомневался, что таковое осталось в Москве, куда удар был нанесен в первую очередь. – Здесь люди, пища, защита. Здесь жизнь, наконец!

– Да какая это жизнь... – махнул Яр рукой, оборачиваясь на колокольный звон, отбивающий «зорьку», и доносящиеся следом с винтовой лестницы шаги. Явилась смена, и теперь можно было не продолжать ставший совсем неудобным разговор. Юноша подскочил и, едва нога одного из сменщиков переступила порог, метнулся мимо, не говоря ни слова.

– Да, блин, у тебя испытание через неделю! Пройди сначала, а потом... – этого крика Яр уже не слышал.

Он неся со всей возможной скоростью вниз по лестнице, через двор, мимо Михайло-Архангельского собора в катакомбы, служившие домом. На встречу с Варей, о которой говорил вчера Ванька. И был несказанно огорошен, когда около входа в жилище девушки заметил Митяя, сына Воеводы. Тот стоял, вальяжно облокотившись одной рукой о стену, к которой прислонилась улыбающаяся Варя. Они о чем-то тихо говорили, причем Митяй другой рукой обнимал девушку за талию.

– Ты! – других слов не было, только медленно вскипающая злость, которая всегда появлялась в нем при виде сына Воеводы.

– Я, – согласился Митяй, осклабясь довольно. – И что?

– Что ты тут делаешь?

– Тебя забыл спросить, выродок недоделанный! Я к Варе, а ты мимо иди, пока идется. Твоя конура чуть дальше...

Договорить Митяй не успел, Яр, молча сжав кулаки, бросился на обидчика.

Морозно. Ветер сшибал с ног, пробирал до костей. Игоря удерживал только тонкий трос, привязанный к скобе, вбитой в камень. Вершина скалы, на которой он сейчас находился, освещалась солнцем, садившимся далеко на западе, в тайге, занесенной снегом. Название горы вертелось на языке, вызывало смутные, неясные образы, но наружу так и не вырвалось. Игорю

почему-то очень надо было его вспомнить. Что-то важное скрывалось за этим названием. Но сколько он ни напрягал свой мозг, ничего не получалось.

Что-то не так. Бездонное темно-синее небо не укрыто тучами. Оно разверзлось над землей, словно пропасть. Протяни руку – затянет в себя, даст затеряться, раствориться, слиться с вечностью. Открывшийся простор подавлял, нет, даже пугал не готового к этому человека, привыкшего видеть последние годы лишь серые тучи и однообразную равнину, покрытую снегом и изрезанную лесами и мертвой плотью разрушенных городов. Дышалось тяжело. Воздух на высоте в полтора километра был сильно разрежен. В дальнем конце плато размером с два футбольных поля виднелись старые постройки, несколько покореженных временем вертолетов, и горы кругом, разделяющиеся долинами.

Что он здесь забыл? Или, вернее, что должен был вспомнить? Потемкин напряженно всматривался в небо, в то место, где солнце почти исчезло за горизонтом, создавая эффект плавающего где-то вдали снега, растворяющегося в легкой дымке и мареве... Ничего. Он ничего не мог вспомнить. Еще некоторое время повертевшись и сопротивляясь рвущему одежду ветру, он в панике остановился. Было тихо. Настолько тихо, что, казалось, выключили звук. Ни скрипа снега, ни дуновения, ничего.

И только растворяющийся за горизонтом свет солнца еще сохранял иллюзию реальности. Но уж слишком быстро таяли красные краски на темнеющем небе, где загорались звезды. Ой ли? Звезды ли?

Теперь Игорь не был в этом уверен. Это скорее блики света, отраженные от... Воды? Удивлению его не было предела. С исчезновением света все изменилось. И сверху была вода. Темная, непроницаемая, отражающая. В какой-то миг мужчина понял, что видит свое лицо. Там, сверху, среди легкой ряби ночной воды, моря, океана. И протянул руку, чтобы дотронуться.

В тот же миг вода хлынула вниз, заполнив все пространство вокруг. Обескураживая, дезориентируя, растворяя... Игорю понадобилось какое-то время, чтобы понять, что он все еще привязан к скале где-то в глубине океана, а кислород уже заканчивается. Вода сковывала движения, замораживала конечности, но лекарь так быстро, насколько мог, отстегнул карабин, соединяющий его с веревкой и скалой, несколькими мощными взмахами запустил, как надеялся, свое тело вверх, к поверхности. Легкие уже разрывались от нестерпимой боли, воздуха явно не хватало, а открыть сейчас рот – означало неминуемую смерть.

Впереди снова забрезжил свет. Легкий, расплывающийся, словно завернутый в пленку. Надо к нему, как можно быстрее! Игорь вдруг совершенно не к месту вспомнил про фонарик. Но как он будет светить в воде? Его-то старенький, многократно перемотанный изолентой – уж точно нет. Но среди водоворота странных событий и явлений, чем черт не шутит? Игорь вытянул его из-за пояса, прикрепил к ремню летных очков и включил.

Фонарик слабым лучом прорезал темную морскую воду. Нет, не воду. Тьму, клубившуюся вокруг и обволакивающую, словно некая плотная субстанция, в которой можно было перемещаться, а значит... Дышать? Легкие сдерживать уже было невозможно. Вздых рвался изнутри, заставляя грудь заходиться спазмами, и страх расплзался по телу, не желая исчезать. Тьма же расслоилась в свете фонаря на темно-серые оттенки, откуда выныривали странные предметы. Как ни пытался Игорь вспомнить название, назначение этих предметов – не мог. Двухместная коляска, разорванная на части, толстый плед, почти расплзшийся от времени, с рисунком из огромных роз, легкая ажурная шляпка, которую так любила Рита...

Вдруг все снова изменилось. Из мглы выплыло тело. Отекшее, раздувшееся, с заметными уже признаками разложения. Оно так и смотрело на Игоря выпученными стеклянными глазами, пока не скрылось из виду. Дальше – хуже. Мимо стали проноситься трупы, каждый следующий еще отвратительнее прежнего. То кожа лоскутами свисала с прогнившей плоти, то не хватало некоторых конечностей, то это была иссохшая мумия, а один раз... пронеслась тень.

Нечто, состоящее из мелких, еле заметных частиц. Это был пепел. И фигура, спаленная давним ядерным пожаром, почти обняла Игоря, но он с неслышным криком рванул вверх, стараясь как можно быстрее достичь размытого света, тусклым кругом будто лежавшего на матовой льдине...

Это снова вода, а руки уперлись в скользкую поверхность холодного монолита. Именно из-за этого свет сверху казался таким мутным, расплывчатым. Но он все же оставался виден. Скорее всего, льдина не слишком толстая. Надо выбираться. Игорь достал нож. Тот самый, что остался торчать в спине Игната, только сейчас он почему-то оказался снова у него. Мужчина начал царапать, ковырять им лед. Но это трудно, чертовски трудно. Любое движение вверх отталкивало лекаря назад, в глубину. Ему вновь и вновь приходилось работать ногами и руками, чтобы находиться рядом с поверхностью. Силы были на исходе, когда нож все же проткнул лед, и Игорь в последнем усилии несколько раз ударил кулаком.

И снова ни звука, льдина раскололась, мелкие обломки сразу же разошлись в стороны, более крупные – вздыбились. Мужчина схватился за скользкий край, этого хватило, чтобы подтянуться вверх, и, помогая себе ногами, он все же выбрался наружу, отползая как можно дальше от края темной пропасти...

Игорь в изнеможении лежал некоторое время, откашливаясь и стараясь не шевелиться, чтобы дать возможность уставшим мышцам отдохнуть. И лишь некоторое время спустя осознал, что воздух наполнился звуками. Потемкин замер, чтобы лучше распознать их. Рядом, буквально в нескольких метрах, кто-то чавкал. Причем делал это с нескрываемым удовольствием, смакуя, облизываясь. Игорь поднял голову.

Увиденное заставило вскочить на ноги и поднять нож. Кругом темнота, и лишь маленький круг пространства четко виден в направленном свете, будто кто-то повесил сверху прожектор. Две тошнотворные твари сидели в нескольких метрах от него и отрывали от трех мертвых тел кусочки подгнившей плоти. Одна с какой-то долей удивления рассматривала внутренности одного из мертвецов, перебирая их в лапах.

– Эй! – крикнул Игорь, отчетливо понимая, что чудовища не разговаривают. – Что здесь происходит?

Это была скорее попытка обратить на себя внимание, нежели желание что-либо у них узнать. Твари развернулись, приподнимаясь на худых кривых лапах. Их вид вновь вызвал у лекаря отвращение. Тощие, голые, с белесой кожей, обтягивающей ребра и местами свисающей противными складками, они смотрели на него выжженными светом, белыми глазами и не переставали жевать, смачно чавкая. Их длинные пальцы заканчивались столь же длинными и острыми когтями. Видимо, они не ощущали угрозы от Игоря.

«Уходи, – пронеслось у Потемкина в мозгу. – Они тебя не ждут. Уходи!»

– Кто не ждет? – заволновался мужчина. Ему почему-то было важно это знать, правда, почему – он не мог вспомнить.

«Они, – одна белесая тварь указала жестом на трупы. – Они тебя забыли и не ждут. Им теперь не до этого».

Игорь медленно пошел вперед, не обращая уже внимания на чудовищ. Ему было интересно только одно: кто они? Почему какие-то полуразложившиеся трупы должны быть интересны ему? Лишь это занимало его сейчас. Твари с пониманием расступились, пропуская Игоря.

Но когда он подошел ближе и разглядел лица, то упал на колени, заходясь в беззвучном крике. Перед Потемкиным лежали жена и двое его детей.

Мужчина воткнул в льдину нож. Еще и еще. Снова. И так до тех пор, пока бездна под ним и телами не разверзлась, забирая его и семью во тьму...

– Рита. Дети, – были первые его слова, когда он откинул войлочный плащ в сторону, просыпаясь. Холодный пот градом стекал со лба, а в глазах словно еще бушевало безумие сна – всепоглощающая тьма и его семья, растворяющаяся в ней. Тут же всплыло в памяти и слетело с губ название той самой роковой горы – Ямантау...

Картинка до сих пор стояла перед глазами. Мужчина сжал голову руками, но образ, нарисованный уставшим сознанием, не уходил. Надо было как-то изгнать его, этот давно забытый призрак из прошлого, иначе недолго и свихнуться.

Тут Игорь вспомнил о клочке бумаги, найденном у черного монстра в рваных штанах. Это уже что-то. Мысль о смерти медленно стиралась из памяти. Надо срочно развернуть грязную, дырявую бумажку и решить головоломку, озадачившую Потемкина с тех пор, как он узнал, что твари могут носить штаны.

Но вокруг было слишком темно. Маленькая кирпичная келья ничем не освещалась, разве что из общего коридора, откуда доносились живые звуки – разговоры, топот, звон посуды, падал легкий отсвет от далекого фонаря или масляной лампы, обозначая дверной проем его темницы, огражденный решеткой. Где ж тут взяться нормальному свету? Сырость и легкий запах чего-то прелого позволили предположить – помещение находится в подвале.

– Кошмар? – спросил голос снаружи. Не удивительно, что к лекарю приставили охрану. – Жена и дети?

– Да, – сухо буркнул Игорь. – Они.

– Что с ними случилось? – не унимался голос.

– Утонули, – так же коротко бросил врач, не понимая, зачем он это рассказывает первому встречному.

– Жаль, – сочувственно протянул голос, не сочувствуя, тем не менее, ни капли. – А Ямантау?

– Гора. – Потемкин пожал плечами, не думая, что это движение кто-то заметит. Все равно тьма поглотит все жесты. И от нее-то ничего не скроется.

– Хм, – голос оживился. – Ты только это... не подумай там чего лишнего... Что я в душу лезу или секреты выпытываю. Просто интересно очень, что за воротами происходит.

– Хреново там, за воротами. Очень, – у лекаря не было желания продолжать разговор, но каким-то шестым чувством ощущая необходимость в собеседнике, он говорил. – И тем более, ничего интересного. Можешь сказать, сколько я проспал?

– Несколько часов. Вон, утренний колокол только что «зорьку» отбивал.

– Теперь ясно, почему мне так хреново, и голова раскалывается, – опять пробубнил Потемкин.

– Ну ты, надо сказать, шороху-то устроил... – меж тем, не унимался голос. – Оборотня завалил! Это ж надо!

– Скажем, не я, а ваш лучник...

– Все равно здорово! – казалось, словесный поток говорившего ничем уже не остановить. – Как ты его красиво вывел на стрелка! Это ж надо!

– Слушай, – прервал охранника Игорь, не намереваясь дальше выслушивать восторженные возгласы. – У тебя свет есть?

– Чего? – тот явно не понял, что именно от него хотят.

– Свет, говорю, есть? Фонарик, спички, керосинка, может, пиропатрон...

– Ты это... – после недолгой паузы проговорил голос, – кончай выдумывать. Не дай бог, взорвешь здесь чего-нибудь.

– Да елы-палы! – не удержался Игорь. – Мне просто посветить надо.

– А-а-а, – протянул охранник, – Так бы сразу и сказал. А то – пиропатрон, пиропатрон... На вот, от деда достался. Ручной. Только не дергайся, а то нам приказано стрелять.

За решеткой появился силуэт мужчины, что-то просовывающего сквозь прутья. Игорь встал, ощущая в ногах слабость, и медленно подошел к решетке. Протянул руку, взял предмет, просовываемый незнакомцем, и только хотел вернуться на место, как тот схватил его за запястье, удерживая. От удивления Потемкин замер, пытаясь понять, что же хочет от него стражник.

– Слушай, – полушепотом быстро заговорил мужчина, – расскажи вот что... – Он на одно мгновение прервался, размышляя, спрашивать или нет, но потом любопытство пересилило. – Как у вас с девкой? Как она? Ничего? Вроде, милаха. Наверное, очень круто вот так вот, вдвоем...

– Ничего, – проговорил Игорь, отдергивая руку и отступая к койке. «Неужто в этом краю все такие извращенцы?» – мелькнула мысль, вызывая отвращение и желание побыстрее убраться из этого места. Охранник, разочарованный немногословностью пленника, вернулся к себе.

«Вжик-вжик» – зажужжало механическое устройство, рождая, благодаря усилиям Игоря, свет. Слабый лучик разрезал тьму камеры, теперь показалось и лицо мужчины по ту сторону решетки. Грязные, взлохмаченные черные волосы, густые брови и острый прямой нос. Глаза блестели в свете фонарика, а тонкие сжатые губы, покрытые трещинками, и широкий подбородок указывали на упрямого и волевого человека. Сеть морщин вокруг глаз и старый шрам, рассекающий нос и протянувшийся под ухом на шею, придавали ему необычный, слегка грозный вид.

Игорь, сощурившись от света, ударившего в глаза, развернул фонарь вниз, к грязному, смятому листку бумаги, бережно расправленному. Он медленно начал читать, с трудом разбирая отдельные буквы, так как почерк иногда плясал, словно писавший торопился, а в некоторых местах многострадальный кусочек бумажки вытерся до дыр, так что не все было возможно разобрать.

«Что можно сказать о мире? Он умер? Погиб в Катастрофе, случившейся двадцать лет назад? Нет! Конечно, нет. Это исключено. Мир жив и будет жить, но уже не в привычном для нас виде.

Думаете, я свихнулся? Сомневаюсь. Я никогда не был прав настолько, насколько сейчас. И это уже стало аксиомой. Но не ваша вина, что вы мне не верите. И вряд ли когда-нибудь поверите. То, что мы создали – незаметно взгляду и живет не где-нибудь, а в наших с вами телах. О! Это сложно объяснить неподготовленному человеку. Просто знайте: ящик Пандоры открыт. И дни человечества могут стать последними, так как существо, или, скорее, организм, что мы выпустили на свободу, куда опаснее всех мутантов, вместе взятых... Пытаясь выручить Старый мир, мы, тем не менее, дали толчок Новому...»

Тут Игорь попытался разобрать расплывшиеся буквы, но это ему не удалось. Пришлось читать дальше.

«Я, Барыкин Федор Андр... НИИ... ядер... иссл... Черноголовки закрыт... типа... Мы в числе одиннадцати человек предприняли попытку найти панацею от радиации для человечества РНК-ви... Для этого совершили поход в Моск... Что-то пошло не так. Люди менялись... Я чувствую, что тоже зара... Это очень страшно... Никто ниче... лать. Я уйду. Как можно дальше. Может, кто-нибудь в дороге убьет меня...»

Потом шел совершенно неразборчивый кусок текста. Отчаявшись его расшифровать, Потемкин стал читать дальше.

«Мало времени. Я должен умереть. Убить себя. Иначе эта тварь, что ворочается внутри и изменяющимися на глазах руками пишет это письмо... может когда-нибудь убить кого-то из нас... Из людей. Я не прошу помощи. Я не прошу легкой смерти. Я вообще ничего не прошу от уходящей жизни. Просто расскажите об этом людям. Расскажите о НИХ. Иначе будет поздно... Иначе останутся только ОНИ. И никого больше...»

Последние строки явно давались автору с огромным трудом, как будто человек, писавший их, забыл, как это делается. Буквы меняли размер, форму, прыгали и наезжали друг на друга. И только разобрав последнюю букву, Игорь опустил руки с фонариком. Тьма вновь выпустила свое покрывало и окутала камеру и ошеломленного мужчину. У него создалось даже такое ощущение, что она заползла и в душу, холодными, цепкими пальцами поскребла спину.

Смутные воспоминания из студенческих времен начали всплывать в памяти. Словно уроки вирусологии могли когда-нибудь пригодиться... ДНК, РНК-вирусы, которые изменяют генетический код человека и становятся неотъемлемой его частью. Что же опять нагородили эти ученые, что могло получиться «такое»? Они «...предприняли попытку найти панацею от радиации для человечества РНК-ви... Для этого совершили поход в Моск... Что-то пошло не так. Люди менялись...» Слишком недвусмысленная фраза. Слишком.

Они попытались заразить вирусом людей в надежде, что те смогут не бояться радиации, но все, как в страшном кино, вышло из-под контроля? И получился этот странный гибрид, недочеловек, который... Скорее всего, может заражать других людей! И что эти болваны сделали? Правильно! Поперлись в Москву, где предположительно уровень радиации самый высокий, чтобы опробовать свою новую разработку на людях, чтобы «помочь». Им мало было Катастрофы, произошедшей двадцать лет назад, так они еще решили поэкспериментировать над остатками человечества...

Интересно, они вообще понимали, на что идут? Ведь теперь этот вирус, судя по всему, мутировавший от радиации, может выкосить остатки выживших подчистую. Мысли закружились бешеным роем в голове мужчины. Не то чтобы он очень сильно любил людей или жалел их, но теперь, для доктора в прошлом, а нынче лекаря, эта ситуация стала уже личным вызовом.

«Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь: честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека, быть всегда готовым...»

А теперь угроза касалась всего человечества. Игорь вытер пот со лба. Надо что-то делать, но что?

В коридоре послышались тяжелые шаги, и через минуту к темнице подошли трое. Один, на вид главный, судя по тому, как уверенно держался, приказал охраннику открыть камеру, после чего вошел.

– Утро доброе, – буркнул он Потемкину. – Хватит спать, Воевода приказал доставить тебя прямо сейчас.

Глава 4

Противостояние

– Джордж, у нас электричество вырубili, что ли? – через секунду бросил вошедший незнакомец. Тут же снаружи щелкнул выключатель, и небольшую комнатку с грязными стенами из кирпича озарил неяркий свет лампочки, свисающей с потолка на проводе. «Нужно будет, – подумал Потемкин, – при случае напомнить Джорджу об этом, а то фонарик какой-то выдал, урод».

Трое вошедших выглядели, как те парни, что «приняли» Игоря у крепостной стены, только без плексигласовых шлемов. А так – один в один. Теплые армейские «берцы», новенькая черная униформа, разгрузка с наполненными чем-то карманами, у двоих «калаши», а у главного пистолет, по всей видимости, «Стриж». Пострижены коротко, лица каменные, но у старшего, кроме того, знакомые черты, как будто этого человека Потемкин когда-то давным-давно встречал, но Игорь виду не подал. Мало ли, при каких обстоятельствах встречались раньше. Физиономия его была обезображена ожоговым шрамом, из-за чего уголки глаз и губ опустились вниз, и сразу вспомнить лицо из прошлого было трудновато.

– Меня Гром, кстати, зовут, – пробасил старший, а потом добавил: – Пойдем через столовую. Есть, наверное, хочешь, а Воеводу пятнадцать минут разговора не устроят.

Игорь промолчал. Есть почему-то не хотелось, но не стоило отказываться пополнить протеинами уставшее тело, да и присмотреться к обстановке и внутреннему укладу не мешало бы. Еще хотелось послать всех к чертям, броситься обратно на койку и просто валяться там столь долго, сколько выдержит, но Игорь просто молча кивнул.

Гром вышел из камеры первым, следом лекарь, а два бойца замкнули процессию.

Трехметровой ширины коридор с арочным сводом был частью явно древнего сооружения. Редкие лампочки, свисавшие с потолка, слабо освещали красную кирпичную кладку, местами обвалившуюся, но кое-как заделанную свежими цементными заплатами. Большая часть кирпича, особенно потолок, обросла зеленым мхом или покрылась старой паутиной, повисшей неоднородной массой тут и там. У жителей, населявших катакомбы, то ли не было времени, то ли желания привести в порядок помещения. Местами коридор загромождали ящики, мешки, сваленная сбоку солома, а один раз они прошли мимо кучи картофеля, огороженной грубо сколоченными досками. Видимо, места не хватало, так как в нишах и камерах, что ответвлялись от основного коридора влево и вправо через равные промежутки, жили люди. И этого жизненного пространства было так мало, что в каморках четыре на четыре метра ютились по несколько семей, отделяясь друг от друга занавесками, так как даже самая простенькая стена из досок безжалостно отхватывала часть места. Люди выглядели бледными, худыми, измотанными. Оно и понятно: каждый день был, словно бой. Смертельный бой за выживание, за место под солнцем, не являвшимся им уже двадцать лет.

– Мам, я еще поспать хочу, – доносился из одного закутка голос девочки, на что женщина вторила уставшим эхом:

– Будет выходной, обещаю: выспимся, – а когда он наступит, этот выходной, было неизвестно.

– Ну, мам! Я уже неделю вожусь с этими кроликами!

– Потерпи, доча. Мужчины на днях сходят на фабрику, а я тебе какую-нибудь обновку сошью, – и действовало: не каждый месяц, видимо, удавалось получить что-нибудь новенькое.

– Отец! Ну что ты, в самом деле? – слышалось из другого закутка. – Совсем сдурел, старый?! До туалета дойти не можешь? Или забыл, где он находится? За что мне все это...

– Где? – теперь слева кричал женский разгневанный голос. – Где, я тебя спрашиваю, ты всю ночь был?!

– На дежурстве, зайка! – пытался оправдаться мужчина. – Мы с Егорычем сегодня над воротами дежурили...

– Ах ты, паразит! – слышались хлопки, предположительно, дама устраивала мужу взбучку. – Егорыч сказал, что ты отгул взял! Единственный отгул в месяце! И не был дома! Опять к Клавке шатался, упырь бессовестный! Я сейчас и к ней забегу, пока на свиную ферму свалить не успела.

– Да что ты, мать! Да при чем здесь Клавка! – что-то зазвенело, покотившись по полу... Игорю почему-то не было жалко мужика.

Навстречу им попала женщина с кастрюлей, а следом в сторону выхода прошествовали несколько тепло одетых мужчин.

– Это катакомбы под монастырем? – поинтересовался Потемкин у шедшего рядом Грома, понимая, что вряд ли узнает точно. Но тот, как ни в чем не бывало, заговорил:

– Нет. Вокруг. Эти коридоры идут под старым крепостным валом, что вокруг Юрьева. А до сноса старых стен он был в два раза больше.

– А это? – Игорь указал на пустующую нишу, которую они проходили. – Почему здесь никто не живет? Судя по количеству народа в других, странно так разбрасываться свободными местами...

– А никто ими не разбрасывается, – Гром даже не оглянулся. – Люди не хотят здесь жить, потому что три семьи погибли на этом месте лет шесть назад. Что произошло, до сих пор не ясно. Только тела нашли наутро, высохшие за ночь, как мумии.

– И они все не спали, когда это случилось, – добавил Игорь. Гром с интересом на него оглянулся.

– Да. Они не были в лежачем положении, если ты это имеешь в виду. На лицах ужас застыл, и все – женщины, мужчины, дети – смотрели в одну точку. На стену, напротив входа. Ты об этом что-то знаешь?

– Видел в нескольких поселениях. Чуваши говорят, это их «тени войны» забирают, причем выкашивают целые поселения. Странно, что у вас этого не произошло.

– А знаешь, что об этом я думаю? – вдруг рассвирепел Гром. Он схватил за грудки Игоря и потащил в пустующую нишу. Тот от неожиданности и подавляющего числа противников не сопротивлялся. Сопровождающие застыли на входе, напряженно сжимая автоматы. Старший толкнул мужчину к стенке и, не отпуская руку, стал пальцем другой тыкать чуть ли не в лицо лекарю. Следы ожога на лице выглядели сейчас особенно жутко, измененные гримасой и полутьмой – словно с Игорем разговаривала какая-то восковая маска, ожившая и полная ненависти. – Фигня все это! Самая натуральная, дебильная фигня! Никто и ничто, кроме нас самих, людям не опасно. Радиация? Пфф, почти исчезла, фон нормализуется со временем, ну, разве что в очагах остался. Мутанты? Пфф, я почти уверен, что мы скоро сами охотиться на них будем, причем их же сородичи у нас в качестве гончих будут. Химия? Бактерии? Тоже – пфф! А почему? Все потому, – Гром уже шептал, а не говорил. Видимо, первый порыв негодования пошел на убыль, – что мы сами себе враги! Мы взорвали ядерные бомбы. Мы применили химическое и бактериологическое оружие, мы, и только мы климатическое оружие разрабатывали, чтобы враги наши сдохли, и все для того, Потемкин, чтобы... мы сами умерли!

– Гром, – попытался возразить Игорь, но тот сжал губы, показывая, что еще не закончил. Затем продолжил:

– Я не знаю, что здесь тогда произошло. Сам не присутствовал, но точно уверен, что не тени какие-то уничтожили все три семьи. Это были люди. Я просто чую. Нет никого и ничего опаснее и изобретательнее человека. Видишь? – Гром указал на лицо. – Виноват не огонь, не БТР, в котором я находился, а люди, которых мы пытались защитить... Интересно, за что? – он вдруг успокоился. Отошел, поправил форму, постоял, закрыв глаза, и кивнул Игорю, чтобы тот следовал за ним.

Дальше шли молча. В голове у каждого крутились свои мысли. Игорь узнал Грома, даже несмотря на ожог, он знал его еще с той, довоенной, жизни, где они были врагами. И его терзала одна мысль: почему его не помнит сам Гром? Но выяснять это лучше постепенно, не вдаваясь в лишние детали, иначе, чем черт не шутит – вспомнит ведь о бывшей вражде, что сейчас совсем не нужно ни Игорю, ни, тем более, Грому. Как же странно распорядилась судьба, что спустя тридцать лет они вдруг встретились в этом глубоком заду мира, и не просто встретились, а столкнулись лицом к лицу. Но почему бы и нет? Судьба – вообще странная штука. А после смерти жены и детей она стала особенно странной. Надо быть аккуратней с этим человеком – помнится, он и прежде был способен на неожиданные вспышки гнева. Психопат и крайне неуравновешенный, одним словом. Когда-то реки их жизней встретились, перемешали воды и вновь разошлись, чтобы уже никогда не встречаться, ан нет. Атомная война пустила реки вспять, исказила русла, и вот, спустя тридцать лет пути вновь пересеклись. «Неужели, – думал Игорь, – так в жизни бывает? Порой конец света творит невозможное. Порой его последствия настолько непредсказуемы, что и помыслить трудно».

А Гром размышлял о другом: о долгом путешествии Потемкина, который побывал в Чувашии, да и где еще его носило, один Бог знает. А теперь Игорь неведомыми тропами и по воле случая попал сюда. В Юрьев. Что сподвигло его на это?

На пути, кроме людских жилищ, им встретились и ниши с животными. Игорь различил в полутьме свиней, кроликов и коз, обитающих в клетках. Воздух наполнился их запахом – как бы клетки ни чистили, но до конца избавиться от него было невозможно.

– А нехилый у вас тут зверинец, – заметил Потемкин.

– У нас еще лошади в верхних постройках есть, – ответил Гром. – Жаль только, что некоторые с отклонениями, но... Лошадь есть лошадь. Без тягловой силы сейчас никак. Мало ли, что приволоочь надо? Да и соляру жалко. На исходе уже.

– Это да, – согласился Игорь.

Коридор сделал крутой поворот и уперся в деревянную стену с дверью, возле которой стоял охранник и пропускал внутрь по одному из вытянувшейся вдоль стенки очереди. На двери висела табличка: «Общественная столовая. Вход и прием пищи строго по регламенту. Опоздавшим сухпай не выдается». И дальше следовало длинное расписание.

Группа во главе с Громом прошествовала мимо живой гудящей змеи, люди были недовольны явным нарушением правил, возмущались, что-то бубнили, но открыто проявлять неприязнь к охране самого Воеводы не решались. Охранник беспрекословно открыл дверь, пропуская четверых мужчин. Сзади зароптали, на что тот довольно громко бросил:

– Ничего, потерпите.

Общая столовая представляла собой все тот же перегородженный коридор с четырьмя нишами-комнатами по обеим сторонам. Столь же скудное, как и везде, освещение, столики, вплотную стоящие друг к другу, много людей, одновременно скребущих ложками по мискам, и восхитительный запах, наполняющий все помещение. Игорю сразу же захотелось есть. При воспоминании о том, каких животных он повстречал по пути сюда, рот наполнился слюной. Это вам не разные мелкие твари, наводняющие убогий мир за стенами, а кролики, свиньи, козы. Конечно, и они не избежали мутаций, но не перестали быть вкусной пищей, как до Катастрофы.

В одной из ниш расположилась раздача, куда люди подходили, брали поднос и уходили к освободившемуся месту с едой. Ниша напротив была свободна. Туда-то Гром и направился. Игорь шел следом, стараясь не задеть кого-нибудь. Протискиваться не пришлось, так как Грома здесь все знали и при его приближении старались отодвинуть стулья подальше от прохода.

В нише оказались сразу три пустых столика. Очевидно, предназначались они для важных людей, таких как Гром. Эти места никто не занимал, чтобы ненароком не помешать. Тут же подбежала девушка с раздачи с подносом в руках, чем вызвала очередной недовольный ропот,

но высказаться вслух никто не решился. Главу охраны Воеводы здесь боялись. Девушка, опустив глаза, расставила тарелки с дымящейся похлебкой и убежала, задернув занавеску, отгораживающую нишу от остальной столовой. Двое бойцов заняли ближайший к выходу столик, а Гром жестом пригласил Игоря за собой.

Крольчатина с картофелем. Божественно! Игорь с удовольствием опустошил тарелку. Затем, поблагодарив, обратился к Грому:

– Откуда берете электричество?

– Хм, – тот дожевывал порцию, проглотил и развел руками. – Гидроэлектростанция, конечно. Упрощенно – водяное колесо, генератор, провода. Чтобы осветить периметр и помещения, вполне хватает.

– А лампочки?

– Приборостроительный завод за рекой. Там на складах этого добра навалом. Людей за периметром не существует в принципе. Так что железные ворота склада и амбарный замок вполне справляются с ролью охраны.

– А где оружие берете? Что-то оно у вас слишком новенькое.

– Старые запасы. Иначе не использовали бы луки со стрелами. Примерно за два дня до всего этого безобразия, – Гром указал рукой, как бы охватив этим жестом не только комнату, но и мир за стеной, – командованию нашей части в Подмоскovie был отдан приказ из центра перебазироваться подальше от места возможного удара противника по стратегическим целям, причем с грузом, со всем вооружением. Когда все началось, мы успели добраться до Юрьев-Польского. Тогда-то все и произошло... – Гром указал на свое обезображенное лицо. – Вокруг – война. Крупные населенные пункты ядерные взрывы слизали, сверху – воздушный бой, самолеты падали на гражданское население. И на хвост моей колонны вот такой самолет рухнул. Связи с центром нет. Пробовал выполнить приказ о доставке арсенала в Ярославль, но население взбесилось поголовно. Бойня, мародерство, город в огне. Это был ад, Потемкин. Прямо в центре города, прямо за стенами этого монастыря, колонна наша была атакована, стреляли из РПГ. Где взяли – не знаю. Мой бронетранспортер накрыло первым. Парни Воеводы вмешались, как потом рассказали... Отбили колонну. Не целиком, конечно, но арсенал и два «Тигра» удалось сохранить под нашим контролем. С этим вооружением мы потом и отстояли территорию. Вот только отпечаток-то остался... Меня контузило тогда сильно, память раскидало по закоулочкам мозга. Первое время не помнил больше, чем ничего. Только потом лоскутами она возвращалась. Я и теперь не уверен, что все помню. Вот и твоя рожа вроде знакома, но тут, – он постучал по лбу, – тут пока никаких ассоциаций.

– Да уж, те первые дни... – протянул Игорь, сменив скользкую тему. – Такое ощущение, что ничего святого в людях не осталось.

– Я больше скажу, – тихо добавил Гром, – и даже людей в них не осталось...

Посидели, помолчали, думая каждый о своем, словно заново погружившись в те ужасные дни, не обошедшие никого страхом и потерями. Потом Гром слегка наклонился в сторону Игоря и прошептал:

– Я, собственно, зачем тебя сюда-то сначала привел? – колкий взгляд уперся прямо в Потемкина, словно пытаясь просверлиться вглубь души, понять, кто такой Игорь и как обрести над ним контроль. – Предупредить! О том, что я за Воеводу голову оторву любому, кто посмеет встать на его пути. Это ясно?

Когда Игорь не ответил, Гром повторил, и в его голосе слышались железные нотки:

– Это ясно?.. – несколько секунд двое пятидесятилетних мужчин глядели в глаза друг другу, но эту игру бесцеремонно прервали. Отдернув занавеску, в комнату влетел охранник, который дежурил у дверей в столовую. Он явно был взволнован.

– Олег... Васильевич... – он говорил быстро, с паузами, как будто подбирал слова. – Там... Драка...

– Кто?! – лицо Грома сразу изменилось. Неровные складки лица с ожогом обозначились резче, глаза сузились.

– Митяй... И... И этот... Тварь рогатая.

– Потемкин, не отставай, – глава охраны вскочил и бросился к выходу из столовой, бойцы тоже оставили недоеденное и рванули за старшим.

Митяй предвидел бросок Яра. Он хладнокровно шагнул в сторону, схватил противника за одежду и слегка подтолкнул. Ярослав, глаза и мысли которого застилал безудержный гнев, неожиданно по инерции пролетел мимо, потерял равновесие и ударился о старую кладку стены. Неуклюже завалился на пол. Бешенство растворило боль, ненависть и обида клокотали внутри, гадким червячком буравя мозг. Как она могла играть с его чувствами? А он... ехидный ублюдочный папин сынок... разве ему девок мало? Все сразу понадобились? Не может пройти мимо? Дать шанс Ярославу пусть на маленькое, но собственное счастье? Или это заговор? Специально поставленная сценка с участием всего двух актеров, персонально для него? Для мутанта, отверженного всеми, недочеловека, которого никто в этом чертовом городе не принимал за своего?

– Ты думал, мы тебя не ждем? – язвительно заметил Митяй, издав едкий смешок. – Все утро тебя ждали. Готовились. Правда, Варь?

Обида заполнила, казалось, все тело, еще чуть-чуть – и выплеснулась бы из него рвотой, но Яр проглотил едкий желудочный спазм, упрямо сжал кулаки, вдавил их в пол, поднимаясь. Шапка чуть съехала набок, на щеке алела ссадина. В слабом свете коридора лицо исказилось, стало выглядеть совсем другим. Быстрый взгляд на Варю – и она съежилась, отступила к стене, в тень, виновато опустила голову.

– Тебе не место здесь, – ухмыляясь, говорил Митяй. Яр перевел взгляд на соперника – тяжелый, из-под бровей, переполненный ненавистью. Она лилась из глаз, если б только взглядом можно было убить... Сынок Воеводы давно убрался бы в мир иной. Но и для него это был бы конец. Все-таки сильный противник. Поэтому Ярослав медлил. Первый, спонтанный, на эмоциях, бросок был лишь инстинктивной реакцией. А сейчас надо остыть, показать ублюдку, что тоже обучался на стрелца и знает толк в рукопашном бою. Не стоит слепо поддаваться чувствам. Они сейчас – лишнее. – И ты знаешь это, тварь. И место это не для тебя, и она... Любовь может быть только у настоящих людей, а не у козлов.

– Ты, что ли, человек? – выдавил Яр, внезапно успокоившись. Выдавил и улыбку, но получилось так себе. Криво. Зато перестал ухмыляться Митяй.

– Я человек. У меня нет этих... как у тебя... лишних деталей!

– Как нет и следов разума, – кивнул Яр, продолжая улыбаться и подначивать врага. – Папаша думает за тебя, он же и живет за тебя, он и девок твоих трахать за тебя будет... – Пофиг! Сейчас все пофиг! Главное – побольнее уколоть противника, а за слова можно и расплатиться, но после, когда обидчик будет наказан. – Ты без папашки и шагу ступить не можешь, и в туалет небось даже. Личная охрана тебя туда водит, попку подтирает, внутрь толчка заглядывает, цвета сверяет – не болен ли Митенька, правильно ли кушает? Не поселилась ли, не залезла ли внутрь какая зараза... Так и с телками будет! Тоже внутрь заглядывать станут, проверять, а можно ли сыночку свою пипетку туда засунуть...

Договорить Яр не успел. Пунцовый, как рак, Митяй бросился вперед.

– Пасть заткни! Мутант херов!

Яр поднырнул под его руку и снизу саданул врага по челюсти. Сын Воеводы будто споткнулся, клацнул зубами и приземлился на спину. Долгую минуту не мог подняться: в глазах расплывалось, а прикушенный язык закровил, разливая во рту терпкую слегка соленую кровь.

Пока Митяй вставал, Яр разминался, искоса поглядывая на собирающийся вокруг народ. Полу-сонные, только что вставшие люди, предвидя столь рано подоспевшее развлечение, застывали с раскрытыми ртами, кто с чем: с тазиком, с дымящейся плошкой, с малым дитем на руках... Народ любил зрелища, кто бы их ему ни давал. Варя вжалась в стену и медленно, бочком, исчезла в толпе. Ну и гадина! Прав был Николай: нечего ему здесь ловить.

Митяй успел подняться, вытирая от кровавой слюны губы. Теперь и он понял, что запросто не справится с Ярославом. Учились драться вместе, и силы примерно равны. Только рост и длинные руки могли сейчас помочь сыну Воеводы. Он медленно пошел вдоль ряда собравшихся вокруг людей, примериваясь к нападению. Движения врага были легкими, шаги – выверенными, и бой предстоял непростой. Но надо постараться: унижить, привлечь на свою сторону народ, ведь не только он недолюбливал Яра. Многим в Юрьеве тот не нравился. Ой, многим.

Сын Воеводы сделал ложный выпад, но и Яр не спешил подставляться, сделав шаг в сторону. Народ, недовольный заминкой, начал роптать: чего, мол, телитесь, деритесь уже, нам еще на работу пехать! Потом отдельные возгласы стали еще больше нагнетать обстановку, давить на обоих.

– Хороший мутант – мертвый мутант! – крикнул кто-то в толпе, после чего она взорвалась оскорбительными репликами.

– Придуши эту пиявку!

– Вырви ему третий глаз!

– Вали лягушку!

– Молодец! Так его!

– Да! За меня его тоже пни, куда надо...

– Пусть знает место свое, уродец!

Оттягивать драку больше нельзя было. Скоро весть об этом дойдет до Воеводы или Грома, и у Митяя не будет шанса прилюдно унижить Яроса. Парень прыгнул вперед, нанося удар, но врага на месте не оказалось. Противник, вдруг оказавшийся сбоку, уже метил в голову соперника, но Панов-младший пригнулся, развернулся и достал длинными руками ненавистного мутанта. Ярослав почувствовал, как натягивается одежда, сдавливает горло, как его опрокидывает на спину, а следом летит тяжелый ботинок Митяя. Удар – бок вспыхивает от нестерпимой боли. По почкам бьет, сука! Яр перекатился на живот и, оттолкнувшись руками, невероятным образом все же поднялся на ноги, схватился за бок. Удар, нацеленный в голову, просвистел мимо. Пока Панов разворачивался, Ярослав врезал противнику в ухо, голова того дернулась, сынок Воеводы пошатнулся и все-таки устоял. Яр попытался вновь пробить его защиту, но длинные руки вцепились в одежду, ткань затрещала, выдержав рывок – и парень вновь оказался на земле, а сверху его придавил своим весом Панов. Посыпались удары. Один за другим. Митяй метил по лицу, но в цель попадал не каждый раз, Яр загораживался руками и извивался всем телом, стараясь сбросить с себя противника, но тот крепко обвил парня ногами и не желал слезать. Ярослав схватил горсть кирпичной крошки с пола и, пропустив два мощных удара, бросил в глаза противнику, да еще и растер по его лицу ладонью.

Митяй схватился за глаза, а Яр успешным ударом в челюсть сбросил наконец с себя соперника. Движения давались с трудом, челюсть трещала, голову пронзала боль, а в глазах двоилось, но надо было встать, пока Панов выковыривает из глаз попавшую грязь. Толпа вокруг уже радостно ревела, возбужденная зрелищем. В какой-то момент взгляд выхватил из этого пестрого ряда лицо предательницы. Варя... все вокруг! ВСЕ ОНИ – ВРАГИ!

Мышцы от злости налились силой. Яр, преодолевая боль, вскочил, прыгнул на Митяя, желая одного: втоптать врага в пол, растереть в порошок и перемешать с валяющимся там мусором. Юноши покатались по полу, Панов пытался очистить глаза, Яр же лупил сквозь боль в кулаках по любому незащищенному месту. Сын Воеводы отмахивался вслепую, угодив пару раз по лицу Яра, но юноша уже ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Перед ним была

одна цель – ненавистная морда Панова. Он бил и бил, не обращая внимания на пропущенные удары. И не заметил, как Митяй вытащил нож...

– А ну, хватит! – жесткий удар в бок сбил Яроса с Митяя. Казалось, этим ударом вышибли не только воздух из груди, но и само желание продолжать биться. Какой в этом смысл, если нет друзей вокруг? Одни только враги. Сейчас главное – свернуться калачиком и умереть... Но юношу с силой потянули вверх. Придется вставать. Не хочется, но придется.

Народ вокруг разошелся так же быстро, как и собрался. Даже Варя не осталась, чтобы поддержать или защитити...

Митяй поднял и удерживал один из сопровождающих Грома. Лицо в крови, кулаки разбиты, полный ненависти взгляд, в руке нож... Ну и вид! Впрочем, Яр сомневался, что он сейчас выглядел лучше, чем противник. Но нож... Это уже слишком. Хотя... Почему-то Яр не был удивлен, что Митяй на такое способен. Папенькин сынок. Пользующийся отцовским авторитетом недоносок, который всегда брал то, что хотел, любыми способами.

В поле зрения вклинилось лицо Грома – Воеводиной шавки. Пса, который был всегда на страже интересов правителя. Значит, все плохо – и камеры не избежать! Но в этот раз почему-то мужчина не стал отправлять Яра в карцер. Он громко заговорил, но звук только через несколько мгновений пробился в сознание юноши.

– ...уроды! Ишь, чего удумали! Я вам завтра устрою веселье! Побегаете у меня в ОЗК через полосы препятствий! Ведите их в лазарет, – обратился он к сопровождающим его охранникам, которые удерживали юношей. – Я с ними позже поговорю. Пойдем, Потемкин, это у нас единичный случай. Не каждое утро с такого веселья начинается...

Яр бросил быстрый взгляд на Игоря, прошедшего мимо. Да ведь это тот самый человек, пришедший ночью и выдержавший неравный бой с оборотнем! Неясное чувство возникло в глубине души юноши. Этот человек жил за пределами Юрьева! Где-то скитался все это время, выживал: значит, можно за стеной жить! Если смог он, то и Яр, может быть... Сзади его грубо толкнули, что подразумевало: двигай вперед, и юноша, угрюмо уставившись в пол, проследовал в сторону лазарета.

Через громко скрипнувшую ржавую дверь они вышли во внутренний двор поселения. Повеяло воздухом посвежее, не провонявшим людским потом и запахом навоза. Игорь огляделся. То, что ночью освещали лишь слабые огоньки тусклых фонарей, сейчас предстало глазам лекаря. Впереди возвышались два основных строения. Церковь с пятью куполами и стройная часовня, покрытая причудливыми барельефами. Чуть подальше стояло двухэтажное здание, в которое, как он понял, им и предстояло попасть. Справа прямо над стеной возвышались еще пять куполов. Под ними располагались кованые ворота. Все остальное пространство занимали деревянные постройки. Слева слышалось ржание – очевидно, там были конюшни. А справа, рядом с воротами, сквозь довольно широкие щели меж досок можно было различить темнеющие силуэты автомобилей. Игорь оглянулся. Рядом со входом в катакомбы находилось строение, из трубы на крыше которого валил черный дым, а сквозь щели светило красным. Видимо – кузня, где и изготавливаются стрелы...

Они прошептались между церковью и часовней в двухэтажное здание, на втором этаже которого и остановились перед черной дверью. Рядом стояли два охранника, с которыми Гром обменялся парой фраз, после чего они с Игорем вошли.

А Воевода неплохо устроился! Комната примерно шесть на шесть метров была устлана шикарным ковром, потускневший ворс которого не мог скрыть великолепного рисунка. Справа – широкий кожаный диван и шкаф с книгами, слева – круглый стол с поблескивающей лакированной поверхностью, два окна, задрапированных цветастой тканью, и несколько картин на

стене с пейзажами давно минувших лет, а посреди – небольшой столик и два кожаных кресла, в одном из которых развалился маленький пухлый мужчина в свитере с высоким воротом и в очках. На столике стояла литровая бутылка причудливой формы, наполненная коричневого цвета жидкостью. Хозяин указал рукой на кресла и, когда Гром с Игорем уселись, произнес:

– А ведь и в смутное время можно жить довольно неплохо, – Игорь не нашелся, как это прокомментировать, лишь неопределенно мотнул головой. Воевода поднялся, разлил по стаканам коричневую жидкость и протянул их Грому с Игорем. – Есть несколько светлых моментов во власти... – после чего представился: – Панов Юрий Сергеевич. Глава этого замечательного поселения. Просто – Воевода. Итак, кто ты, странник, зачем и откуда к нам прибыл. И куда направляешься?

Потемкин не торопился. Он поднял бокал, присмотрелся к янтарной жидкости внутри, понюхал. Коньяк. Определенно. Давно же он не ощущал этого вкуса. Так давно, что успел позабыть. Напиток целеустремленных людей, которые остановились на мгновение, чтобы подумать, поразмыслить над тем, куда двигаются... А куда же двигается он? А главное – зачем? Ведь все потеряло смысл именно тогда – на мосту в Нижнем Новгороде... А после этого Игорь просто шел, можно сказать, брел по опустевшей земле, лишь по инерции продолжая путь, начатый всей семьей двадцать лет назад.

– Игорь, – начал он, пригубив слегка коньяк. Взгляд устремился куда-то вдаль, лекарь медленно проговаривал слова, пытаясь самому себе напомнить очевидные вещи. – Потемкин. Шел в Москву, как и было запланировано, пока вот... не оказался здесь. С вами.

– А девушка? – Воевода уже уселся в свое кресло и сверлил глазами Потемкина.

– Ольга – жертва инцеста, вырвал из грязных лап отца-извращенца в деревеньке неподалеку. Она была на грани смерти. Очень и очень больна.

– А ты откуда об этом знаешь?

– Медик по специальности, – Игорь вновь пригубил коньяк, чувствуя, как разливается внутри тепло, потом добавил: – Военный медик. Если мне позволят, я вылечу ее за неделю.

– Каким образом? – глава Юрьева явно удивился. – Медикаменты давно просрочены, новых достать негде, а у нее болезнь сильно запущена.

– В травах разбираюсь, – пожал плечами Потемкин, – могу лекарство на их основе приготовить. А ей помощь сейчас не помешает, да и зря я ее спасал, что ли?

Несколько мгновений Воевода обменивался с Громом красноречивыми взглядами, после чего снова обратился к Игорю:

– Редкие люди в наше время блуждают в одиночку по окрестностям... А те, кто способен изготавливать лекарства, вообще незаменимы. Так вот, – Воевода выдержал длинную паузу, после чего продолжил. – Так вот, хочу предложить тебе должность врача Юрьева, а то наш не справляется. Условия лучше, чем у остальных. Отдельная комната в этом здании, питание, что называется, «прямо в номер», ну, и... любая девушка, на которую укажешь пальцем. – Игорь вздернул правую бровь, что Воевода расценил, как одобрение. – Сам понимаешь: чем выше нужда в человеке, тем больше «бонусов» ему может предложить город.

– Или ты, – заметил Потемкин, на что Панов лишь кивнул.

– Какая разница, как это называть. Город и я – одно и то же.

– Нет, – уверенно возразил Игорь.

– Что – нет?

– Не могу разделить с вами все эти удовольствия. Мне в Москву надо. Причем, чем скорее, тем лучше. – Потемкин отпил еще немного коньяка и поставил стакан на стол.

– Почему? – Воевода был явно недоволен. Игорь достал листок бумаги, что нашел в лоскутах одежды монстра, убитого ночью, и протянул главе города. Панов быстро пробежался глазами по написанному и, не дочитав, кинул листок на столик.

– Ты его убил, – быстро бросил он, сверля глазами Игоря.

– Мы его убили, – уточнил на всякий случай тот.

– Какая разница, – парировал Воевода. – Главное, что чудовище мертво и лежит в лазарете, тихое и бездыханное, никому не способное причинить вред.

– А остальные? Те, которые понесли эту заразу в Москву?..

– Да мне глубоко плевать на Москву! – взорвался маленький мужчина. Глазки сузились, а на щеках заиграли желваки. – Что с ними всеми будет – не моя забота. Мне не интересен какой-то гипотетический вирус, гуляющий где-то там... За пределами моей власти. У меня тут свои люди погибают от болезней, и некому и нечем им помочь.

– Только этот гипотетический вирус когда-нибудь, – Игорь наклонился вперед, возражая, – доберется и сюда! И никто не сможет спастись! Мне наплевать на людей, но не на человечество!

– А к тому времени болезни всех нас выкосят, если ты не поможешь! И не будет здесь живых людей, вообще никого не будет. Так ты согласен на работу?

– Нет! – упрямо гнул свою линию Игорь. – Мне надо в Москву.

– Отлично! – Воевода встал. Выражение его пухлого лица было более чем холодным. – Гром, отведи его обратно в камеру. Пусть посидит немного. Думаю, через пару месяцев он примет наше предложение с радостью...

Потемкин поднялся следом. Он несколько мгновений сверлил ненавидящим взглядом Панова, потом проговорил тихим и спокойным голосом:

– Ваше право. Но могу я попросить об одной услуге?

– Ты не в том положении, – заметил глава города.

– И все же... Думаю, вам незапланированный мертвяк через пару дней не нужен?

– Нет... – глава напрягся. – Так чего ты хочешь?

– Позвольте мне лечить Ольгу, девушку, что я ночью принес. Она скоро придет в себя, разрешите приводить ее ко мне и отдайте мой рюкзак.

Воевода несколько долгих мгновений размышлял, пристально вглядываясь в глаза Потемкина, ворочал желваками, но, наконец, коротко кивнул Грому.

– Хорошо, а сейчас в камеру, – очевидно, надежда завербовать Игоря все же теплилась в его душе, иначе бы не позволил.

Спускаясь на первый этаж, Потемкин напряженно размышлял, как быть в такой ситуации. Ведь глава города его не выпустит – к гадалке не ходи. Это упрямый, своевольный, к тому же облеченный безграничной властью над городом человек. Такие не любят, когда что-то идет не по их плану. Но, судя по всему, выбора пока у него не было. Ольга полностью выздоровеет не раньше чем через неделю. А какой смысл в том, чтобы забрать ее из того дома и теперь бросить на произвол судьбы здесь? Игорь так не умел. Если взялся за что-то, то доведи дело до конца. Кроме того, будет возможность придумать выход и из ситуации с Воеводой. В любом случае, о том, чтобы остаться, не могло быть и речи. Но выход не всегда находится прямо перед глазами, порой нужно преодолеть несколько поворотов...

Из комнаты с надписью «Лазарет» на первом этаже донеслись звуки борьбы, крики и звук чего-то тяжелого, упавшего на пол. Гром забеспокоился. В конце коридора показался один из конвоиров, назначенных отвести юнцов в лазарет.

– Ты их оставил одних? – рявкнул Гром.

– Так получилось, – охранник замялся, чувствуя свою вину.

– Веди Потемкина в камеру, я с тобой потом поговорю как следует, – прошипел глава охраны и бросился в лазарет, где не утихали звуки драки.

– Ну?! – охранник махнул головой в сторону выхода. – Ты его слышал. Пошли.

– Все! Отвали! – у двери в лазарет Митяй кое-как вырвал руку из крепкого захвата охранника и недовольно исподлобья глянул на него. – Хватит! Пришли уже!

– Врача еще нет на месте, – заметил боец.

– Отлично! – бросил сынок Воеводы с вызовом. – Здесь подождем. А вы свободны!

– Но... – хотел было возразить охранник, но Митяй перебил его.

– Свободны, говорю! Без вас справлюсь. Или я не Панов?

Охранники нехотя удалились. Митяй посмотрел на Яра и ухмыльнулся. Опухшее, в кровоподтеках, его лицо представляло собой ужасное зрелище. Ярос тоже чувствовал себя не лучше. Кулаки саднили, впрочем, как и лицо. Правая щека и нижняя губа надулись и болели. Кровь стекала по пальцам и капала на пол.

– Ну, ты и чучело! – Митяй через силу рассмеялся. Любое движение лица отзывалось болью.

– На себя посмотри, – парировал Яр, пытаясь, в свою очередь, сдержать смех. Несколько минут они тупо ржали, корчась от боли, отчего становилось еще смешней, и никакой возможности остановиться не было. Но в какой-то момент Митяй вдруг резко прекратил заходиться смехом и с любопытством глянул на дверь лазарета.

– Слушай... – заговорил он медленно и тихо. – Так у нас тут чудовище, которое бегало по окрестностям два года и людей пугало! Надо глянуть!

– Стой! – но удержать Митяя было невозможно. Он уже открыл дверь и шагнул внутрь. Оставалось только последовать за ним, надеясь, что у сына Воеводы хватит ума ничего не трогать в лазарете.

Помещение было маленьким и светлым. Два окна, в отличие от остальных в здании, заколочены не были, что объяснялось достаточно просто – врачу необходим свет для работы. Справа у стены стоял широкий шкаф со стеклянными дверками, рядом – стол с бумагами, а слева – две кровати и второй стол, побольше, на котором под черным клеенчатым покрывалом покоилось тело. На кровати же, что у окна, спала девушка, принесенная ночью незнакомцем.

– Давай глянем! – никакими силами Митяя было не удержать. Он быстро подошел к столу и стал тихонько приподнимать прорезиненное покрывало.

– Что ты делаешь? – зашипел Яр.

– Утхни, уродец, – отмахнулся сынок Воеводы. – Мне можно.

Ярос медленно подошел к столу, разглядывая странное существо. Древки стрел юноши, хоть и обломанные, еще торчали из тела. А из пулевых отверстий сочилась темная жидкость. Веки были открыты, а мутные глаза с почти черной радужкой смотрели в потолок. Яр поежился. Тело твари вызывало отвращение.

– Смотри, что наделал. Такую красоту угробил! – Митяй явно издевался. – Твоих рук дело, чертенок...

– Зато хоть что-то полезное сделал, в отличие от некоторых, – съязвил Ярослав в ответ.

– Да какая разница, что ты сделал? – Митяй противно захихикал. – Никакие «дела» не заставят народ любить тебя. И твою чертову рожу, мутант поганый!

Яросу нечего было ответить на это. Ведь даже Варька – и та, похоже, отвернулась от него, выбрав окончательно сына Воеводы. Он же слишком другой, непохожий... Одним словом – чужой.

– Та-а-ак, – протянул Митяй, отворачиваясь. Ему уже надоело рассматривать тело мертвого монстра, и он обратил свой взор в сторону кровати с девушкой. – А кто это у нас тут? Да еще и такая...

– Отойди, – настойчиво проговорил Яр, когда сынок Воеводы склонился над девушкой.

– Ой, да отвали, наконец! – отмахнулся Митяй и начал медленно стягивать с девушки одеяло. – Сейчас посмотрим, везде ли ты такая же привлекательная...

– А ну, хватит! – Яр быстро подскочил к сынку Воеводы и схватил его за плечо, разворачивая к себе.

– Да задрал уже!

Митяй хлестко ударил Яра по лицу. Тот ответил. Несколько секунд они махали руками, не уступая друг другу. А потом Митяй бросился на Яра всем телом, рыча от злости. Сцепившись, они сшибли стол с тварью и, перелетев через него, продолжили мутузить друг друга уже на мертвом существе, скользя в его черной крови. В какой-то момент Митяй оттолкнул Яроса согнутыми ногами, и тот, перелетев через стол обратно, больно ударился головой о кровать девушки. Она вздрогнула и открыла испуганные глаза. Их взгляды встретились, но Митяй уже подскочил сзади и, накинув на шею простыню, оттащил Яроса от кровати. Юноша пытался схватиться за ткань удавки, просунуть под нее руки, но сил уже не хватало, и сознание медленно поплыло, окутываемое тьмой...

– А ну, прекратить! – последнее, что сквозь туман он услышал, прежде чем вырубиться окончательно.

Когда Ярослав пришел в себя, перед ним, слегка расплываясь, маячило лицо врача Вениамина Игоревича Разина. Доктор удерживал юношу за плечо, чтобы тот ненароком не вскочил, и шелкал перед его лицом пальцами.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спросил он.

Звук голоса пробился через буханье крови в ушах и заставил несколько секунд думать над смыслом тягучей фразы. Сознание еще не справлялось с поступающей информацией. Рядом на стуле сидел Гром и, затаившись, ожидал, когда врач закончит с Яром. Дальше, на кровати у окна, зарывшись с головой в одеяло, пугливо посматривала девушка. Слева – перевернутый стол и прорезиненное покрывало. Труп чудовища не было. Очевидно, его уже унесли.

– Эй, парень? – снова заговорил Вениамин Игоревич, похлопав Яра по щеке. Легкие пощечины разогнали шум в голове, и юноша уставился прямо на доктора. – Ты меня слышишь?

– Да.

– Можешь сказать, сколько пальцев? – вновь спросил врач, загнув на левой руке два пальца.

– Три, – уверенно ответил Яр, тогда Вениамин Игоревич повернулся к Грому.

– Все нормально. Шок и нехватка кислорода вызвали обморок. Небольшой отдых не повредит. Прошу вас, только недолго, – после этого Разин поднялся и вышел из лазарета, оставив юношу наедине с Громом, если не считать прячущейся под одеялом девушки. Тот покоился в сторону кровати, несколько секунд помолчал, затем медленно, размеренно начал:

– Слушай, парень... Тут такое дело...

– Я вас слушаю. Говорите, что хотели, – Яр не скрывал своей неприязни.

– Ну да. Точно. Так вот. Я надеюсь, ты не хочешь сидеть в карцере за подстрекательство к драке?

– Я – что?! – воскликнул Яр несколько громче, чем хотел.

– Ты подстрекал к драке, – на сей раз Гром выговаривал слова четко и медленно. Так, чтобы парень смог понять их. – Свидетелей этого много. И каждый готов дать показания против тебя, – еще бы! Яр в этом ничуть не сомневался. – Так вот, я предлагаю тебе, в обмен на освобождение от карцера, забыть вашу стычку с сыном Воеводы.

– Забыть? – пролепетал юноша. – Что он хотел убить меня?

– Забыть. Вычеркнуть из памяти и никогда не вспоминать. Никогда! – Гром посмотрел прямо в глаза Яросу. – Иначе будет хуже. Намного...

– У меня есть выбор? – Гром отрицательно помотал головой. Яр продолжил: – Может, вы меня и держите за урода, не похожего на вас, но я не дурак. Могу понять простые вещи и сделать выводы.

– Значит, договорились?

– Да.

– Отлично! Ну, а теперь иди домой и отдыхай. Несколько дней можешь не выходить на службу. Я решу этот вопрос. Тебе к испытанию еще надо готовиться...

Яр медленно поднялся и, шатаясь, вышел из комнаты. Все, как в тумане. Выход из лазарета, внутренний двор, расплывчатые силуэты древнего храма и часовни, вход в подвал, – ненавистный и чужой дом, где его никто не ждал, – длинный темный коридор и арка ниши, разделенная на четыре части. Его совсем маленькая «комнатушка» – со смертью отца безжалостно урезали лишнее пространство. Только тумба и тахта, полуразвалившаяся и пропахшая потом и клопами. Не раздеваясь, Ярос рухнул в койку и закрыл глаза. Как же он ненавидел всех вокруг, как же он ненавидел это место и то, что родился таким... странным. Непохожим, чужим, одиноким... Зачем отец его вырастил? Лучше б бросил в реку, как поступали со всеми детьми, родившимися с отклонениями... Зачем? Зачем? Зачем?

Глава 5

Прошлое и будущее

Металлическая конструкция уходила вдаль – полуторакилометровый Борский мост перекинулся через Волгу, соединяя два берега гигантской реки, бурлившей далеко внизу. С приходом весны лед раскололся и теперь несясь по течению, сталкиваясь и крошась, руша на своем пути любую преграду. Но только не каменное основание с мощными ледорезами. Белые глыбы останавливались, налезали друг на друга и, ломаясь под собственным весом, скользили дальше, огибая старые колонны. Умели же строить...

Верхний автомобильный ярус был забит под завязку. Очевидно, когда Катастрофа случилась, здесь была огромная пробка. И люди в панике побросали автомобили, стремясь спастись. Теперь же это была непроходимая преграда из ржавого металлолома. Автомобили, местами смятые неведомой силой, со следами огромных когтей на остовах, образовывали единое целое, которое ни обойти, ни перелезть было невозможно.

Тяжелые тучи быстро скользили на восток, изрыгая мелкий противный дождь, не прекращающийся уже несколько дней, а за мостом был берег в серой пелене тумана. И никакой возможности добраться быстро.

Оставался нижний ярус – железнодорожный. Правда, когда-то давно посередине моста встал поезд. И теперь эта металлическая змея преграждала путь, лишь с боков оставляя пространство для путников.

Ветер тихо подвывал, гуляя внутри строения. Заунывный скрежет проржавевших креплений резал слух. Плохо, что не успели до схода льда – зимой по его глади перешли бы скорей и безопасней.

– Идем, нельзя медлить, – быстро проговорил Игорь, обращаясь к спутникам. Дозиметр тихо потрескивал. Двое мужчин и женщина в противогазах и ОЗК стояли сзади, замороженные раскинувшимся по обеим сторонам от моста пейзажем.

– Отец, – сказал один из них. Виталик. Старший из близнецов. За мутными стеклами противогаза глаз не разобрать, жестом он указал в сторону соседнего моста, одноуровневого, железнодорожного, свободного от преград в виде металлолома. – А не проще по нему?

– Проще, – согласился Игорь, – но до съезда нет времени возвращаться. Скоро стемнеет, а нам надо еще укрытие найти. Так что мимо поезда придется идти.

– Может, успеем? – с надеждой спросил сын, но в это время второй сын, Андрей, поднял руку, указывая сквозь раскосы ферм моста.

– Отец, ящеры!

С громким криком с высоких заводских труб на той стороне реки сорвались гигантские существа, планируя над стылыми развалинами и лишь изредка взмахивая крыльями, чтобы продолжить полет. Птеры быстро приближались. Дождь в это время усилился.

– Быстрее! К поезду! – крикнул Игорь сыновьям и жене Рите. Четыре маленьких фигурки бежали внутри исполинского сооружения, уместившего в себе целый поезд. Металлические плиты под ногами скрипели и дребезжали, словно ругаясь на путников, потревоживших их покой. Все четверо обогнули слева первый вагон и прижались к нему, затаившись. Главное сейчас – не шуметь, иначе свирепые хищники найдут их. Птерам же нескольких минут хватило, чтобы преодолеть пару километров. Захлопали кожаные крылья приземляющихся на мост тварей, отчего металлическая конструкция содрогнулась, отчаянно загудев. В реку посыпались балки верхней части моста, сорванные ящерами, и скинутые ими же автомобили. Они гулко звенели, ударяясь о металлическую конструкцию. Птеры разошлись не на шутку.

Игорь, замыкающий колонну, прижавшуюся к поезду, толкнул в бок Андрея и жестом указал на открытую дверь вагона. Тот так же молча передал мысль матери, а та уже – Вита-

лику. Они тихо, стараясь аккуратно наступать на металлические плиты, прокрались в первую дверь вагона. Птеры притихли, пытаясь уловить любые звуки ускользающей добычи. Так и не дождавшись, решили проверить нижний ярус моста.

Семья уже находилась в вагоне, а Игорь только собирался в него забраться, как сверху раздался скрежет, завершившийся падением очередной балки в воду, и показалась огромная вытянутая морда. Длинный, слегка распахнутый клюв явил людям множество острых треугольных зубов. Тварь склонила голову в одну сторону, потом в другую. Ее большой глаз с узким вертикальным зрачком и коричневой радужкой уставился на Игоря.

Потемкин не выдержал. Выжал спусковой крючок до отказа. Автомат изрыгнул боезапас в считанные секунды, но все, что он смог сделать, это повредить ящеру глаз – мощные роговые наросты на голове не дали причинить твари больший вред. Коричневый шар, в котором отражался Игорь, лопнул, птер дернулся, затем монстр каким-то необычайно высоким голосом скрипнул и тут же, широко раскрыв пасть, заверещал, что послужило сигналом к атаке. И, цепляясь за конструкцию кожистыми трехпальными лапами с кинжалоподобными когтями, молниеносно протиснулся в пространство между балками. Если бы Игорь не упал, то тварь разодрала бы его. Одним движением он откатился под вагон, который пошатнулся под натиском птера. Скрип разрываемой стали резал слух – потерявшая добычу тварь терзала вагон. Игорь выскочил с другой стороны.

– Бегите по составу! – крикнул он семье, а сам побежал по мосту между поездом и косыми балками.

Тварь, напавшая на Потемкина, несколько раз в ярости боднула последний вагон, перескочила через него, задев верхний уровень моста, отчего тот жалобно загудел, и поскакала за убегающим мужчиной, цепляясь лапами за балки и поезд. Второй монстр также выглянул с верхнего яруса. Но теперь в его коричневых глазах отразились фигурки, двигавшиеся внутри состава. С громким криком тварь рванулась дальше по вагону, то продавливая крышу своим весом, то пробивая ее длинным клювом, угрожая смертью людям, бегущим внутри поезда. Оттуда застрекотали автоматы.

Клюв хлопнул в опасной близости от Игоря, мужчина снова метнулся под поезд. Твари, очевидно, надоело протискиваться внутри тесной конструкции, и она выбралась наружу, разворотив часть моста. Несколько балок с щелкающим звуком отлетающих заклепок нырнуло в Волгу. Секция моста загудела – несущая конструкция была нарушена. Время и коррозия сделали свое дело, а тварь лишь еще больше разворотила ржавый металл.

Игорь ногами почувствовал нарастающую вибрацию. Крепления не выдерживали и по очереди рвались, словно пластмассовые. Металл взвыл, изгибаясь и местами выворачиваясь. Мужчина схватился за вертикальную балку, так как удержаться на ногах уже было невозможно, и оглянулся.

Сердце на миг остановилось. Медленно, словно это происходило в каком-то жутком и сюрреалистичном сне, почти стометровая секция моста вместе с четырьмя вагонами и одним из птеров рухнула вниз, рассыпая с верхнего уровня машины. Следом потащило пятый вагон. Он накренился, платформа с тугим лязгом лопнула посередине, а освободившаяся часть отскочила, едва не разворотив балку, за которую держался Игорь. Но он не обратил внимания на пронесшуюся в каких-то сантиметрах смерть. На негнущихся ногах пошел к краю пропасти и посмотрел вниз. Смятый и покореженный метал быстро уходил под бурлящую воду. Течением уносило тело мертвого птера, охотившегося за его семьей, а его дети и жена, оставшиеся в вагоне, уходили на дно в гигантской металлической ловушке.

Вся жизнь, надежды, будущее в один миг были погребены под тоннами металла. Исчезло все, в том числе и мысли. Игорь шагнул вперед...

Ускорение свободного падения, приближающиеся обломки и ледяная вода Волги. И вдруг боль, пронзающая тело, а после – резкий подъем вверх. Второй птер все же не упустил

добычи, а подхватил Потемкина на лету и теперь нес в свое логово. В туманной дымке маячили высокие трубы ТЭЦ. А тварь с каждым взмахом крыльев уносила мужчину все дальше от погибшей семьи.

Это вызвало злость. Коли пожить не дали, дайте хоть умереть с ними! Преодолевая боль, Игорь выхватил армейский нож и воткнул в лапу ящера, вложив в это движение всю свою ненависть. Еще и еще, пока заверещавший от боли птер не разжал лапы. И снова легкость в теле. Игорь несколько раз перевернулся в воздухе, сознание выделило на фоне серого неба силуэт обиженного птера, улетающего вдаль.

Удар вышиб воздух из груди, но ледяная вода, заполнившая все вокруг, вернула сознанию ясность. Ярость, рожденная смертью близких, заставила все мышцы мужчины работать с удвоенной силой, что позволило ему в несколько секунд выбраться на поверхность. Берег был близко. Все-таки хорошо, что чудовище уронило его в воду, а ледяные глыбы, тут и там плывущие по поверхности реки, только чудом не оказались под падающим Игорем. Расталкивая сгрудившийся у берега лед, Потемкин выбрался на землю. Сзади снова загромыhalo. Потемкин оглянулся: остатки поезда сползли с моста, довершая начатое разрушение. И только лента второго моста все еще оставалась цела, – надо было идти по ней, хотя кто же выживет в бою с летающими ящерами, будь они неладны. Игорь развернулся и зашагал прочь. Надо найти укрытие и разжечь костер. Согреться и залечить порезы сейчас самое главное. Чем лечить глубокую душевную рану, Потемкин пока не задумывался. Внутри надолго поселилась пустота...

Игорь открыл глаза. Сон давно закончился, растворился в воспоминаниях, которые мужчина прокручивал в мыслях как можно дольше. Оказаться в царстве Морфея было единственным способом снова и снова вспоминать битву на мосту и носить память о близких всегда с собой в течение пяти лет, что прошли с момента атаки птеров.

Мужчина сел на кровати. В полумраке комнаты решетка, проступающая темным силуэтом на фоне слабоосвещенного коридора, все еще смешивалась с образами той битвы, которая началась пять лет назад и до сих пор бушевала в сознании Потемкина. Ни отступить, ни покинуть мужчину они не собирались. Да он не очень-то этого и хотел. Лекарь давно уже для себя решил – память о близких будет рядом всегда. Даже, когда ничего другого не останется...

В коридоре раздались крики. Через несколько секунд в камере включился свет, и двое охранников в сопровождении Грома внесли шевелящийся сверток, дико визжащий и брыкающийся, замотанный в потрепанное, застиранное одеяло. Охранники хотели было бросить его на пол в углу, но Игорь крикнул:

– Стойте! – пока вояки застыли на пороге, Игорь быстро стряхнул с нар матрац и бросил в угол. – Теперь аккуратно положите, – попросил он.

– Да на хер она нужна такая! – возмущенно воскликнул один, и они все же кинули брыкающуюся, завернутую в одеяло Ольгу в угол, после чего вышли.

– Не ест, не пьет, когда приближаешься – огрызается, моих парней два раза укусила, сука, – хмуро заметил Гром.

– Ну, а вы чего от нее хотели? – возмутился было Игорь, но Олег прервал его.

– Эй! Не надо тут праведника включать. Не все еще здесь опустили, Потемкин, – Гром помолчал, сверля глазами странника. – А знаешь, лучше мы ее тебе оставим! Вместе жить будете! Вот и веселитесь, сколько влезет. А мне дикарка в Юрьеве не нужна. Еще дел каких натворит, а мне разруливать.

– Хорошо, – успокоился лекарь, искоса посмотрев в угол, где тук из одеял перестал шевелиться. – Мой мешок вернете?

– Держи, – начальник охраны Воеводы вытянул из-за спины вещмешок Игоря и протянул мужчине. – Забирай. Только оружие, что у тебя было, не получишь, пока не решишь быть с нами.

– Поесть принесите...

– Принесут тебе поесть, не беспокойся.

– Не только мне, но и Ольге тоже.

– Не ест она, Потемкин. Уже пытались накормить.

– Ничего, справлюсь как-нибудь, – буркнул Игорь. – Если не сейчас, то вечером покушает.

– Смотри сам, – махнул рукой Гром, выходя из камеры. Дверь с лязгом захлопнулась, а Джордж, внимательно посмотрев на закутанную в одеяло девушку, скрылся из вида. После до Потемкина долетело восклицание Грома: – Твое дите-то, придурок, тебе с ним и возиться...

Эти слова что-то зацепили в душе Игоря, хоть он и скривился недоверчиво, глянув в угол камеры. Вспыхнула перед глазами яркая картина гибели детей и птер, улетающий к трубам ТЭЦ, но за пять лет Потемкин научился держать себя в руках. Сейчас есть дела поважнее, чем оплакивать ушедших. «Ребенок» теперь пытался освободиться, елозя по полу. Игорь подошел и дернул за край одеяла. Девушка, увидев перед собой незнакомое лицо, отшатнулась. Перекатилась к стене и начала выпутываться самостоятельно. Потемкин продолжал сидеть рядом, не двигаясь. Ольга, освободившись и затравленно оглядевшись, отползла в угол.

– Меня зовут Игорь, а тебя? – хоть Потемкин это и знал, но ему было важно сейчас разговорить девушку. Войти к ней в доверие, дать понять, что он не опасен, а, наоборот, желает только добра. Ольга не ответила. Попытавшись приблизиться, лекарь лишь ухудшил ситуацию. Девица дернулась и прижалась всем телом к каменной кладке.

– Не подходи ко мне. Не подходи ко мне, – зачастила она, словно заклинание, повторяя шепотом одну и ту же фразу. – Не подходи ко мне.

Следовало как-то заставить ее говорить, отвечать на вопросы. А что лучше может подействовать, чем стресс? Игорь отошел к своей койке и начал рыться в рюкзаке. Содержимое было на месте, кроме колюще-режущих предметов. Даже скальпель забрали, уроды. Но у лекаря были свои секреты. Из тайного кармана в широкой лямке, усиленной пластмассовой вставкой, мужчина выудил складной нож. Узкий и прочный, годный для всякого: от нарезания хлеба до вспарывания глотки. Потемкин отложил его на койку и еще чуть-чуть порылся в сумке, после чего, специально оставив нож, встал и подошел к решетке, краем зрения отмечая пристальный взгляд Ольги, устремленный на забытое мужчиной оружие.

– Джордж! – прокричал Игорь, просунув руки через железные прутья.

Мужчина подскочил со стула. И, осторожно подойдя к решетке, вопросительно уставился на пленника.

– Я все спросить хотел... Чего это ты мне в прошлый раз свет не включил, а сунул какой-то древний фонарик? – Игорь вопросительно поднял бровь, ожидая ответа. Слух уловил шуршание за спиной. Первая фаза лечения началась. Девушка уцепилась за наживку.

– Так я это... – замялся было Джордж, но потом извернулся. – Так не положено. Было не положено.

– А теперь положено, что ли?

– Ага, – охранник ослабил, обнажив гнилые зубы. Оно и понятно: нехватка витаминов и кальция, полная антисанитария, нет должного ухода...

– Да ладно заливать-то! – от Потемкина не укрылось, что тот, потупившись, уткнул взгляд в пол. – Интересно же было. Скажи? Ну, ведь было?

– Как вы с Ольгой? – зашептал мужичок, все ближе подходя к клетке. Глаза загорелись, кожу покрыл румянец возбуждения.

– Ну да, – Игорь окончательно заинтриговал охранника.

– Расскажешь? – облизав губы, елеинo спросил тот.

– А тебе очень этого хочется? – Потемкин хитро сощурился.

– Ага, – Джорджик быстро-быстро закивал большой головой, сидящей на тонкой шее.

– Посмотрим... – лицо охранника изменилось, приняло обиженное выражение, как будто его только что жестоко обманули. – Но шанс есть. Подумай об этом. – Джордж заулыбался, словно понял намек. Так, и этот на крючке. Немного поработать, и будет своим в доску. Осталось сложить еще пару комбинаций, и можно будет претворять план в жизнь. Игорь подмигнул охраннику и отошел внутрь камеры.

Девушка вновь сидела у стены, но теперь на койке не было ножа. Что ж, первая фаза лечения завершилась, можно приступать ко второй. Главное сейчас – дать Ольге понять, что, хочет она того или нет, но ей придется выбраться из скорлупы и начать содействовать лекарю. Кашель не прошел, инфекция все еще пыталась побороть организм, поэтому надо действовать быстро и решительно, пусть и против ее воли.

Игорь медленно приблизился к девушке, которая сразу же напряглась, выставив вперед нож. Короткий клинок, сверкнувший в слабом свете, в руках безумца мог стать опасным оружием. А с той психологической травмой, которой наградил девушку отец, она была подобна зверям, бродящим сейчас за воротами.

– Не подходи ко мне! – снова начала она.

– Эй, тихо, тихо... Не поранься!

– НЕ-ПО-ДХО-ДИ-КО-МНЕ!

– Слушай, Оль, я тебе не враг, но могу и руку сломать для профилактики... – тихо, ласково, очень нежно.

Эти слова странным образом подействовали на девушку. На что, собственно, и рассчитывал Игорь. В испуганных глазах сначала отразилось удивление: откуда этот странный мужчина, которого она видела первый раз в своей жизни, знает, как ее зовут? Угадал? Потом удивление сменилось недоверием и яростью. Девушка вскочила, словно пружина, метнула руку с ножом, стараясь попасть мужчине в горло, но лекаря уже на месте не было. Лишь большая, грубая ладонь перехватила и сжала запястье, отчего нож выскользнул, а затем завела предплечье назад. Ольга сама не поняла, как оказалась на матрасе лицом вниз с заломленной назад и ноющей от боли рукой. Потемкин навалился всем телом на девушку и прямо ей в ухо, пока не прошел шок, начал медленно выговаривать слова:

– Я спас тебя. Я забрал тебя у отца. Еще немного, и ты умерла бы, если бы, опять же, не я. Кто угодно в этом мире враг, но не я...

– А кто ты? – прошептала с ненавистью девушка, силясь выдавить воздух из сжатой грудной клетки.

– Я лекарь и помогу тебе. Но если ты этого не хочешь, то можешь лечиться сама. А я просто наблюдаю, как ты медленно зачахнешь, выплевывая кровь из своих больных легких. Нам, врачам, видишь ли, иногда очень интересно наблюдать за ходом болезни, чтобы своевременно понять, как у других это вылечить заранее. Что ж, можешь умирать, если тебе того хочется... – он отпустил Ольгу, забрав и спрятав нож. Отошел к койке и с невозмутимым видом принялся копаться в рюкзаке.

Она некоторое время лежала, не шевелясь, переваривая услышанное. Видимо, слова мужчины проникли в ее сознание, что-то изменив. Потом Ольга перевернулась на спину и, глядя на тусклую лампу, заговорила голосом, полным отвращения и боли, словами, неожиданно красивыми для девушки, извлеченной на свет из какой-то темной грязной избы в этом полном захолустье:

– Нет в этом мире никого, кому бы я верила. Небеса отвернулись, ад забыл давно обо мне. Тела матери и братьев съели червяки, а сына, что породил ОН, – пиявки в колодце, а я моего мальчика даже подержать не успела, глянуть в маленькое личико. Еще ОН не дал мне умереть,

когда я захотела уйти вслед за сыном, бросил в яму и... и... Разве есть Бог? Или дьявол? А справедливость есть? – она надолго замолчала, вспоминая страшные картины прошлого.

Игорь не отвлекал, смешивая травы, которые надо было дать девушке. Ей же просто необходимо высказаться и понять, что все не может оставаться по-прежнему. Если мир перевернулся, то его надо возвращать обратно, и никто, кроме нее, не способен в этом разобраться. Когда могильный холод в голосе наконец сменится человеческим теплом, трудно было сказать. Скорее всего, этого уже не случится, но попытаться стоило. Каждый человек на счету в этом мире, и если отказываться от одного, то можно в итоге отказаться и от мира. Чем-то эта трагедия задела Игоря. Наверное, жестокостью и зверством существа, которое теперь трудно было назвать человеком – не то, что отцом. Оно оставило глубокий отпечаток в памяти, в душе доверчивой девушки. Потемкин сжал мешочек с травами так сильно, что на материи проступила влага. Жаль, что не задушил эту нелюдь собственными руками. Ой, как жаль. Девушка меж тем продолжала:

– Где свет, где тьма? Люди или нелюди? Звери, твари, все одно... Все только хуже и хуже, и нет ничего, что заставляло бы остаться в этом мире... Знаешь, мама... – глаза девушки увлажнились. Это было заметно даже при тусклом свете лампочки, очевидно, воспоминания о лучших годах все еще жили в голове Ольги, – много читала мне когда-то, много рассказывала, как устроен этот мир, обучала... красивым фразам по старым книгам, что у нас стояли в стенке. Много их было, интере-е-есные-е... А ОН... ОН их просто сжег! А потом убил всех... за их разумность. А меня оставил лишь для того... – она надолго замолчала. Видимо, знания, полученные из книг и вбитые в голову матерью-преподавателем, красивые слова и красивые сказки, безжалостно сожженные, но не выжженные из памяти, помогли ей не сойти с ума в том подвале и в тех условиях, какие предоставил ей отец. – Что светлого еще осталось в этом мире?

– Есть друг, который хочет помочь, – тихо заметил Игорь, не отрываясь от своего занятия.

– А еще чего он хочет? – с сарказмом выдавила она, повернув голову в сторону Потемкина. – Любви, тела?

– Нет, только помочь. И, возможно, мир вокруг обретет новый смысл, который ты так хочешь увидеть и отыскать. Ты не против попробовать?

– Чего?

– Узнать другую жизнь, других людей...

– А как мне забыть старую?

– Я помогу, – пожал плечами Игорь, – я же лекарь, много чего знаю, главное, ты сама должна этого захотеть.

– И что мне делать?

– Перво-наперво съешь это. Не бойся, просто от твоего кашля поможет, – Игорь протянул ей щепотку травяной смеси. – Но будет немного противно.

– Противней произошедшего со мной? Вряд ли, – Ольга взяла из рук лекаря предложенное лекарство и принялась жевать, даже не поморщившись. Это был хороший знак. Девушка подчинилась воле Игоря. Теперь лечение, но к гипнозу прибегать пока рано. Она сама должна решить, хочет или нет уничтожить те воспоминания.

– Еще надо будет поесть. Скоро принесут...

И она ела! Самостоятельно, маленькую порцию, которую отмерил Игорь. Иначе истощенный организм просто вывернуло бы. И это был хороший знак. Апатия исчезла, сменившись другими чувствами. Да, именно злость, ненависть и отвращение – самые что ни есть нормальные чувства, пусть и негативные, но требовалось время, чтобы в этой израненной душе смогли зародиться и положительные эмоции. Причем, много времени.

Еще одной ниточкой к выходу стала, как ни странно, повариха Лидия, принеся им завтрак. Дородная, розовощекая женщина лет тридцати пяти, которая с ходу набросилась на Джорджика, представляющего по сравнению с ней жалкое зрелище: худющий, с большой лысе-

ющей головой, покрасневшими глазами и впалыми щеками. От Потемкина не ускользнуло, каким похотливым взглядом он смотрел на пышные формы женщины, так и распирающие старенький бушлат изнутри. А когда она гаркнула: «Ну, что еле шевелишься, убогий?» – с такой скоростью кинулся открывать замок решетки, какой Игорь от него не ожидал. Вот еще один кирпичик в фундаменте их освобождения, но надо правильно рассчитать время, иначе идея так и останется идеей и, вероятнее всего, обернется для всех катастрофой.

Остался незакрытым лишь вопрос блуждающего где-то по вине ученых вируса, превращающего людей в монстров, но с этим удастся разобраться, лишь когда сложится остальная мозаика. Что ни говори, но спасение девушки и последующий поход в этот город оказались не самыми лучшими затеями. Он не продвинулся к Москве ни на шаг, только задержался. Но, как бы там ни было, Игорь узнал о вирусе, и ради таких вот наивных, но чистых существ, как Ольга, тихо сидящая в углу камеры и предоставленная своим страшным мыслям, стоило этот вирус уничтожить...

– Что с ним? – спросил Воевода. Лицо мужчины вспотело от волнения за сына. Он стоял и нервно переминался с ноги на ногу, пока Разин склонился над лихорадящим Митяем, укрытым кучей одеял. Закончив осмотр, Вениамин Игоревич поднялся и посмотрел на главу города. Чуть помолчал, не решаясь открыть рот, но все же выдавил:

– Скорее всего, вирусная инфекция. Жар, озноб, обильное потоотделение...

– Скорее всего? – Воевода побагровел. Он очень не любил, когда ходили вокруг да около. – А точнее можно?

– Вот, антибиотики, Юрий Сергеевич, – Разин протянул упаковку таблеток, вновь уходя от ответа. – Очень сильные. Достать практически невозможно, я, так сказать, хранил на крайний случай. И он, мне кажется, настал...

– Что с ним? – повторил Воевода с нажимом.

– Грипп, – соврал Разин. Он боялся признаться в том, что не способен точно диагностировать болезнь. Воевода очень остро реагировал на все, что происходило с сыном, и признаться в своей некомпетентности означало обречь себя на смерть в лучшем случае. В худшем – на прозябание в катакомбах вместе с остальными. – Эти антибиотики помогут непременно. Но советую не подходить к больному. – О том, что лекарство может не оказать нужного действия, Разин старался не думать. Смерть сына главы в любом случае скажется на докторе, и далеко не лучшим образом.

– Хорошо, – согласился Воевода, но тут же вновь встрепенулся. – Я знаю, из-за кого это! По стенке этого черта размажу! – Глава посмотрел недобрым взглядом на доктора. Тот уже понял, о ком идет речь, но возражать побоялся. – Крикни мне Грома, Разин.

Вонь застилала все вокруг. Забивалась в рот, нос, душила, терзала, заставляла кашлять. Хотелось умереть, но уж точно больше не чувствовать ее. Смердящую людскую вонь – за семнадцать лет жизни Яра настолько сильно ввевшуюся в душу, что невозможно просто избавиться от нее или отгородиться. Она внутри, так глубоко, что точит юношу, перемалывает, перекраивает, делает похожим на остальных.

На тех, кто копошится за свободными грязно-брезентовыми занавесками, живущими собственной жизнью. Кто-то прошел – они колышутся, кто-то ткнул локтем – бугрятся, а дети вообще любят их, постоянно теребят, заворачиваются... словно не противно дотрагиваться до этой бесконечно-заскорузлой, просаленной тысячами рук ткани.

Гулкий звук чьего-то голоса. Он буравит, он с треском расплзается в черепной коробке, щелчками. словно это и не человек говорит, а насекомое стрекочет глубоко в банке под глухой пластиковой крышкой. Как и все остальные в этом сраном и никчемном мире, ополчились, обвилились, нависли со своей раздувшейся моралью, которая после двадцати лет безумств, жестокости и травли не стоит и ломаного гроша. Бесконечно далекая, нереально изогнутая, скрученная, завязанная в тугой узел жалкого прозябания – мораль просто исчезла, поизносилась, и теперь вместо лика Святой Матери на этом изодранном лоскутке людской мысли проступило лицо самой смерти. Ее печать была на всем вокруг. От облезлых, больных, но озлобленных серых падальщиков, до ребенка, который, лежа в колыбельке, уже махал третьей рукой или неестественно вывернутой ладонью, напоминающей морскую звезду...

Все вокруг пульсировало, сжимаясь и набухая, и Ярос не понимал, что происходит. Пот крупными каплями стекал по телу, разъедал кожу и солоноватыми струйками скатывался вниз, на мокрую простыню. Одеяло тоже увлажнилось, и, сколько юноша ни старался укутаться потеплее, у него не получалось. Отсыревшая грубая ткань, наоборот, помогала болезни запустить холодные руки озноба глубоко внутрь человека. Губы высохли, а жажда с каждым вздохом лишь усиливалась, словно некто бросил внутри губку, впитывающую в себя все, что было в человеке...

Лихорадка взяла верх к утру, дав возможность измученному человеческому телу и душе немного отдохнуть. Теперь же Яр будто шел по раскаленной пустыне, ноги увязали, песок терзал плоть, а тело налилось болью, и внутри поселилось нечто огромное и мучило теперь человека, разрывая на части...

Он этого не знал, но вирус активизировался, и, как следствие, медленно, клетку за клеткой, начал изменять человека...

Утром стоны привлекли внимание соседа, шестидесятилетнего дедка Антипа. Но, как только тот увидел молодого человека, покрытого потом, с пепельно-серой кожей, со стенаниями метавшегося по койке, тут же исчез за занавеской. Даже воды не принес!

К девяти утра, когда колокола часовни дали сигнал всему трудоспособному населению к работе, у Яроса свело конечности. Он скорчился и застонал от боли, не мог разогнуться, чтобы встать и набрать воды. Через полчаса, когда мышцы расслабились, в комнату влетел Гром в сопровождении двух бойцов. Приказал одеть юношу, так как тот не стоял на ногах. Ярослав так и висел, словно грузный мешок, на руках мучителей, пока они тащили его до полигона – места для тренировки молодых стрелков. Народ выходил из своих закутков, но сказать хоть слово против либо никто не решался, либо просто не хотел. Яр кожей чувствовал усиливающуюся ненависть к себе, точно взгляд мог эту ненависть передать на расстоянии.

Перед глазами все расплывалось, ноги безотчетно следовали за бойцами, но чаще просто волочились по земле. Холодный воздух поздней осени, когда первый снег пытается накрыть землю, но силой своей еще не может соперничать с температурой поверхности, окутал Яроса, оказал живительное воздействие на человека, но лишь на мгновение. Через секунду жар ударил в голову, и картинка внутреннего двора расплылась перед глазами, превратилась в нечто серое. Наверху, снизу, вокруг. Просто размазанное пятно, в котором очень трудно было угадать что-то или кого-то.

Через некоторое время его швырнули на холодную грязную землю. Яр не успел выставить руки, как погрузился лицом в вонючую жижу. Холодно, противно, липко. Трясушимися руками он оттолкнулся от земли, попытался поднять тело, налившееся тяжестью, но они заскользили, и юноша вновь рухнул лицом в грязь. Ярос с силой выдыхал воздух, чтобы земля не попала в нос, так как во рту ее было уже полно. Не было ни омерзения, ни гнева, ни страха... ничего, лишь желание поддаться этой темноте, в которую пыталась превратиться серая действительность.

– Вставай! – его кто-то схватил за шкуру, встряхивая.

Яр уже не понимал, кто и зачем, он повис на человеке, пытавшемся его поднять. Но и тому не удавалось удержать Яроса. Они вместе скользили, словно на коньках, кружились в странном, убогом танце и, наконец, упали...

– Вставай, сученыш! – холод немного привел его в чувство. Он понял, что гул, раздававшийся кругом, – это не колокольный звон, а голос Грома. – Мы с тобой еще не закончили! Слышишь, сукин сын? Вставай, говорю!

Несколько ударов в бок ботинком. Яр расплылся в улыбке – в жуткой, но честной: то ли удары были слабыми, то ли это так казалось.

– Вставай, урод!

И он поднялся. Медленно, шатаясь, из последних сил посмотрел на Грома, яростное лицо которого закрыло полнеба. Ненавистное лицо.

– Еще раз хоть что-то вякнешь Митяю, я тебя лично погромсаю и скину в Колокшу вслед детишкам-уродцам. Ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.